

М. Ю. Крапивин*

Церковная организационная комиссия (1919–1920 гг.): Адаптация православных верующих к религиозной политике Советского государства

Тяготы революционного времени и Гражданской войны, сопровождавшейся гибелью и арестами священнослужителей и мирян, серьезнейшим образом сказывались на повседневной церковной жизни: нехватка продуктов затрудняла совершение богослужения и исполнение церковного устава (соблюдение постов)¹. 9 ноября 1918 г. Патриарх Тихон и Священный Синод обсудили доклад отдела о богослужении, проповедничестве и храме Поместного Собора Русской Церкви, в котором были изложены меры «к устранению затруднений при приобретении веществ для таинства Евхаристии» (красного виноградного вина кагора и крупитчатой пшеничной муки для просфор). В целях смягчения кризисной ситуации отдел рекомендовал совершать «служение литургии (по примеру Церкви Греческой) на одной пятипечатной просфоре из пшеничной муки» и употреблять красное церковное вино «исключительно лишь для... таинства Евхаристии с заменой вина во всех остальных случаях церковной богослужебной практики (теплота для говельщиков, при таинстве Брака, елеосвящении и проч.) другими напитками (медом, ягодными и фруктовыми соками и даже простой водой)». Наряду с мерами самой строгой экономии отдел обратился с призывами: к прихожанам — «участвовать по примеру христиан первенствующей Церкви... в приношении необходимых веществ... для таинства Евхаристии», к богатым храмам — по-братски делиться «евхаристическими веществами» с беднейшими церквями. «При решении вопроса о том, как поступать в тех случаях, когда пред теми или другими священнослужителями откроется полная невозможность приобретения необходимых веществ для таинства Евхаристии... отдел признал возможным допустить совершение литургии а) на просфорах, приготовленных из чисто просеянной ржаной муки; б) на всех сортах сладких

* © Крапивин М. Ю., 2012

Михаил Юрьевич Крапивин, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

виноградных вин (за исключением коньячных), как белых, так и красных; в) на... виноградном соку с примесью к оному (для брожения) по примеру Церкви Абиссинской толченого в порошок изюма (изюмное вино); в случаях же невозможности добыть какого-либо сорта вина виноградного... допустить замену оного при совершении Евхаристии сортами ягодных соков или вин, как-то смородинового, черничного, вишневого». В подготовленном по итогам обсуждения постановлении (№ 1054) Патриарх и Священный Синод признали намеченные в докладе соборного отдела мероприятия приемлемыми «к проведению в церковно-богослужбном обиходе». Было отдано распоряжение сообщить о принятом постановлении епархиальным Преосвященным циркулярными указами, «поручив им секретно осведомить о сем епархиальное духовенство и разрешить ему те мероприятия, которые направлены к облегчению добывания для церкви пшеничной муки и красного виноградного вина, принять к немедленному руководству, а всеми другими, как направленными к сокращению потребления в церквях означенных евхаристических веществ, так и особенно к замене их другими соответствующими веществами, пользоваться по мере надобности и в соответствии с местными условиями церковной жизни, дабы не вызвать смущения и соблазна в верующем народе»².

Снабжение храмов предметами и веществами церковного обихода было крайне затруднено, а в ряде случаев практически невозможно без соглашения с советскими органами, к которым в результате национализации перешли епархиальные свечные заводы³ и церковные склады. В 1-й четверти 1919 г. власти, в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции опасавшиеся взрыва недовольства, пошли на временное сотрудничество с церковными структурами в распределении «предметов религиозного культа». Площадкой для такого сотрудничества стала Москва. 4 февраля 1919 г. коллегия Горпродукта (продуктового отдела Московского совета рабочих и красноармейских депутатов — Моссовета), заслушав вопрос «о частной торговле металлической церковной утварью, иконами и киотами», приняла решение: «Предметы культа (исключая драгоценных) (так в тексте. — М. К.) передать соответствующим организациям (церковным приходам и проч.)»⁴. 17 февраля 1919 г. управление делами Горпродукта, переслав вышеприведенный текст решения управляющему Московской епархией архиепископу Иоасафу⁵, просило «сообщить, согласна ли московская епархиальная церковная комиссия принять эти предметы в свое ведение». Председатель Московского епархиального совета протоиерей В. И. Кедров 26 февраля 1919 г. уведомил Горпродукт, что «московская организационная комиссия» готова принять в свое ведение предметы, «обслуживающие потребности религиозного культа»⁶.

В Церковную организационную комиссию (ЦОК)⁷, утвержденную архиепископом Иоасафом и зарегистрированную Московским епархиальным советом, первоначально входили 13 человек: трое священнослужителей — протопресвитер Большого Успенского собора, член Высшего церковного управления (ВЦУ), товарищ председателя Поместного Собора Н. А. Любимов (председатель ЦОК)⁸, 2 протоиерея: настоятели московских храмов В. И. Кедров и Б. И. Забавин; трое мирян: председатель Совета объединенных приходов

и член Московского епархиального совета Г. А. Рачинский, член Собора профессор Н. Д. Кузнецов, староста Большого Успенского собора Н. М. Ремизов, 7 «представителей служащих и специалистов»: члены исполкома служащих предприятий Москвы, торгующих предметами религиозного культа (М. Н. Зыбин, Г. П. Колонин, Н. П. Троицкий, А. Г. Гальцев), «бывший владелец иконной торговли» В. Г. Пожалуев, член Главного комитета лакокрасочной промышленности Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), член приходского совета храма Святой Троицы в Грязях Г. И. Оловянишников, сотрудник Главного масляного комитета при ВСНХ, староста Александроневской церкви П. С. Мешков⁹. Не позднее мая 1920 г. состав ЦОК изменился, в это время в ней состояли «3 представителя духовенства: о. протопресвитер Н. А. Любимов (председатель), протоиерей Б. И. Забавин (заместитель председателя) и протоиерей И. Г. Соколов (председатель ревизионной комиссии). 3 представителя от мирян: Н. М. Ремизов, Н. П. Вышеславцев и С. З. Ястребцов (двое последних — члены ревизионной комиссии). 4 представителя от служащих: А. И. Камзолкин (казначей.— М. К.), Г. П. Колонин, Н. И. Злобин и И. С. Гуров (член ревизионной комиссии) и 2 представителя от бывших собственников как специалисты: П. С. Мешков и В. Г. Пожалуев»¹⁰.

В ответ на неоднократные обращения (24, 25, 29 апреля 1919 г.) ЦОК к руководству Московского совета рабочих и красноармейских депутатов с просьбой ускорить передачу церковной утвари¹¹ 30 апреля 1919 г. президиум Моссовета постановил передать в распоряжение ЦОК «все находящиеся в Горпродукте предметы религиозного культа» и разрешил ЦОК приступить к их распределению. Было оговорено, что «порядок передачи и расчета определяется Горпродуктом»¹². 9 и 12 мая 1919 г. состоялись совещания представителей ЦОК, комиссии по благородным металлам и ювелирного отделения (секции) Горпродукта, на которых были выработаны «принципы передачи ЦОК предметов религиозного культа с обозначением цен, условий расчета, контроля»¹³. ЦОК получал предметы религиозного культа от Горпродукта в долг по утвержденным перечням. Их «описывание, оценку и передачу» осуществляла особая комиссия финотдела¹⁴ Моссовета (с участием экспертов и представителей государственного контроля), состав которой был утвержден 4 июня 1919 г. По соглашению комиссии финотдела и ЦОК от 5 июня 1919 г. продажные цены устанавливались по каталогам и прейскурантам 1916 г. «с надбавкой в среднем до 500%». По мере реализации переданного имущества ЦОК должна была вносить (не реже 2 раз в месяц) в кассу Народного банка полученные от продажи суммы¹⁵.

В дополнительно принятых решениях (апрель—июль 1919 г.) уточнялось, что передаче ЦОК подлежали все предметы религиозного культа, «в чем бы они не выражались, кроме золота и ценных камней», в том числе: парча «всех родов и видов», «приклады к парче», «все готовые изделия из парчи и прочих материалов, предназначенных для религиозного обихода»¹⁶, церковная утварь из серебра (кроме «полуфабрикатов») ¹⁷, «медные и бронзовые предметы религиозного культа, иконы, киоты, плащаницы, хоругви, шитые и пи-

санные»¹⁸, «картины религиозного содержания»¹⁹, надгробные кресты, памятники, решетки, венки, находящиеся на кладбищах, в погребальных бюро, во всех магазинах, складах Горпродукта и районных совдепов (т. е. не установленные на могилах), и прочие предметы, «не имеющие непосредственного отношения к делу похорон и погребения граждан»²⁰. 11 июля 1919 г. президиум Моссовета отдал распоряжение продовольственному отделу ежедневно выдавать ЦОК 6 пудов 20 фунтов муки, необходимой для «печения просфор»²¹. Вместе с тем в просьбе ЦОК (от 18 июля 1919 г.) передать ей из отдела книжной торговли богослужебные книги, «которые и будут распределяться... по общинам верующих»²², президиум Моссовета отказал²³.

В целом предметы, подлежащие передаче (стоимостью от 10 до 40 млн рублей в действовавших на тот момент ценах), находились в 30 магазинах, в свое время опечатанных Горпродуктом. Однако за 3 месяца под контроль ЦОК перешли только 4 магазина, за полгода — не более 6. Заведующий отделом благородных металлов (председатель комиссии по благородным металлам) финотдела Моссовета Н. В. Сорвачёв в докладных записках, направленных 3 ноября 1919 г. в коллегию финотдела и 25 февраля 1920 г. в президиум Моссовета, объяснял медлительность «отсутствием достаточного количества специалистов» и рано наступившими холодами. Попытки сотрудников ЦОК добиться ускорения процесса ни к чему не привели²⁴.

Камнем преткновения стал вопрос о парче («парчовых товарах»). Эксперты, представлявшие интересы государства, подразделяли парчу на 3 разновидности: «1) парча церковная со всякими религиозными видами и изображениями с чеканными инициалами и галунами; 2) парча азиатская имеет свои изображения азиатских народностей, которые употребляются в своих бытах, бытовых украшений, костюмов и так далее; [3)] парча гражданская, это гладкая, чистая не имеет подобных изображений, а чисто гражданские инициалы, то она может быть употреблена на все необходимые надобности Советской России». Отдельные члены коллегии Горпродукта заявляли, что под словами «парча всех образцов и видов» они понимают «лишь парчу специально церковных мотивов, т. е. с ярко выраженными эмблемами и символами христианства», а «парча, потребная Московскому совету для знамен и других целей» ЦОК не будет передаваться. При этом делалась оговорка, что «галуны, ленты, бахрома, подкладки... также должны остаться в распоряжении Горпродукта»²⁵. В заявлении, поданном в президиум Московского совета 28 мая 1919 г.²⁶, председатель ЦОК возражал против «подобного толкования», что, по его словам, было равносильно «аннулированию всякой возможности соорудить какое-либо церковное одеяние, т[ак] к[ак] парчовая ткань без соответственного приклада теряет смысл своего назначения». Кроме того, продолжал он, «парчи с ярко выраженными церковными эмблемами очень мало, и введена она лишь в последнее время... да и вообще всей той парчи имеется весьма незначительное количество в сравнении с потребностью церковей вследствие того, что производство ее в последние годы было почти совсем прекращено и нет надежды на его возобновление»²⁷. В результате ЦОК смогла приступить к «распределению» (продаже) богослужебных предметов

лишь в конце сентября 1919 г. Как и было оговорено, «суммы, выручаемые от такого распределения, два раза в месяц вносились на текущий счет президиума Моск[овского] совета... с представлением в финотдел отчетности»²⁸.

19 декабря 1919 г. президиум Московского совета предложил «Центрожиру в самом срочном порядке передать распределение по церквам гор[ода] Москвы свечей, ладана, деревянного масла, вина, муки и др[угих] предметов, необходимых для отправления религиозного культа, Церковно-организационной комиссии или Моск[овскому] епархиальному совету»²⁹. 25 декабря 1919 г. председатель Центрожира и член коллегии химотдела ВСНХ В. К. Таратута сообщил президиуму Моссовета: «По вопросу о передаче распределения по церквам города Москвы свечей, гарного масла, вина и просфорной муки Московскому епархиальному совету или Церковно-организационной комиссии состоялось постановление коллегии Центрожира еще 8 декабря. Вопрос подлежал разрешению в смысле заключения формального о том соглашения. Для заключения такового в Центрожир были приглашаемы представители Московского епархиального совета (прот[оиерей] Кедров и друг[ие])... Однако в момент подписания этого соглашения 20 числа возникло со стороны представителей епархиального совета предположение о большей целесообразности передачи дела распределения ЦОК. Вопрос ныне разрешается между епархиальным советом и ЦОКом, так как для Центрожира безразлично, с тем или другим контрагентом войти в соглашение... 1919 года декабря 31 дня Главный комитет по жировой промышленности при ВСНХ, именуемый в дальнейшем Центрожир с одной стороны и Московский епархиальный совет, именуемый в дальнейшем Совет, заключили настоящее соглашение о нижеследующем. 1) Совет принимает на себя распределение между часовнями, церквами, монастырями, вообще между учреждениями всех религиозных культов Московской епархии восковых свечей, церковного вина, гарного масла и просфорной муки. 2) С этой целью Совет в недельный срок со дня подписания настоящего соглашения получает в свое распоряжение от Центрожира весь наличный запас вина, масла и муки, находящейся на Московском свечном заводе с уведомлением о сем соответствующих органов Московского совета рабочих и крестьянских (так в тексте, правильно: красноармейских.— М. К.) депутатов, в дальнейшем же получает эти продукты от учреждений, в ведении которых они состоят. 3) Восковыми свечами Совет удовлетворяется Центрожиром, которому Совет взамен свечей обязан представлять огарки, воск и восковую сушь по нормам и ценам, установленным Центрожиром. 4) Расчет за свечи производится Советом дважды в месяц по мере их распределения. 5) Совет распределяет свечи исключительно между часовнями, церквами, монастырями и другими учреждениями всех религиозных культов по ценам, утвержденным Центрожиром, соблюдая при этом действительную в них потребность и принимая все меры предупреждения всякой возможной в этом отношении спекулятивной деятельности. 6) Вся деятельность Совета по распределению свечей подлежит контролю Центрожира, которому Совет по требованию о том Центрожира обязан представлять для ознакомления все необходимые материалы и документы. 7) Совет обя-

зан раз в месяц на каждое первое число представлять в Центрожир ведомость с указанием количества отпущенных им свечей, кому именно и по какой цене»³⁰. Таким образом, на Московский епархиальный совет было «возложено распределение вина, свечей, масла и муки между церквями всех исповеданий для нужд культа». Епархиальный совет «в целях правильного распределения указанных предметов и во избежание возможных злоупотреблений» 20 января 1920 г. обратился в президиум Моссовета с просьбой «сообщить список церквей и религиозных общин инославного и иноверного исповедания», функционирующих в Москве и Московской губернии³¹.

Казалось, что декабрьским (1919 г.) постановлением президиума Моссовета делу сотрудничества властных структур с ЦОК был придан новый импульс. Однако уже 19 февраля 1920 г. президиум отдал распоряжение финотделу остановить передачу ЦОК «предметов религиозного культа из золота (которые, кстати, никогда ЦОК и не передавались.— *М. К.*), серебра, бронзы и меди, а также парчи как в готовых изделиях, так и в полуфабрикатах» до выработки финотделом новых расценок на передаваемые ЦОК предметы. Одновременно Московской ЧК было предложено «сделать доклад» по делу ЦОК³².

Причины изменения позиции властей изложены в «Докладе о Церковно-организационной комиссии», представленном 25 февраля 1920 г. заведующим отделом благородных металлов (председателем комиссии по благородным металлам) финотдела Моссовета Н. В. Сорвачёвым. По словам Сорвачёва, часть членов президиума Моссовета в недавнем прошлом полагала, что нет необходимости контролировать операции ЦОК с переданными богослужебными предметами: «Нам дела нет до того, что будет делать ЦОК: продает ли их, или так отдает, или ломает, а нам нужна наличность, установленная с предметов и только. Мы установили принцип стоимости предметов, и это для нас достаточно». И далее: «Советская власть в принципе стремится к уничтожению религии, своей поддержки в расширении не выражает и не способствует улучшению ее. Поэтому и Московский совет учет установки цен продажи ЦОК ставит его в непристойный вид (так в тексте.— *М. К.*). Мы религией (так в тексте.— *М. К.*) не эксплуатируем, но и не помогаем. На основании этого учет продажи ЦОК нам не нужен»³³. Вместе с тем, так как «по течению жизни процесс дороговизны возрастает, то останавливаться на границах договора не приходится, а необходимо повисить в [процентном] отношении... ЦОК, очевидно, вздувает цены в продаже... их эксплуатация покупателя спекулятивная... ЦОК для сокрытия своей наживы хочет прикрыться тем, что прибыль от продажи от всех расходов зачисляется в пользу казны... Икона по передаче ЦОК установлена 1 р[убль] 50 к[опеек], тогда как ЦОК получает за нее 50 р[ублей]. Поэтому ясно, что нам приходится убедиться, что жалование членам ЦОК не декретного постановления, и своего личного усмотрения и очевидным более доказательством служит финансовый взнос в кассу Московского совета 400 000 р[ублей], тогда как наличность проданного товара стоит около 15 или 20 тысяч р[ублей]»³⁴. Высказав ряд соображений за и против установления более жесткого контроля за финансовой деятельностью

ЦОК, Сорвачёв просил коллегия финотдела и президиум Моссовета принять соответствующее директивное постановление³⁵.

В результате передача «предметов религиозного культа» церковным структурам практически остановилась. В конце мая 1920 г. ЦОК предприняла очередную, как выяснилось вскоре, последнюю попытку повлиять на ситуацию, обратившись в коллегия финотдела Моссовета с докладной запиской «о порядке принятия... от финотдела предметов религиозного культа и распределения их между верующим населением, в частности, по отношению к парче и изделиям из серебра». Руководство ЦОК, указывая, что «переданная ей наличность предметов уже подходит к концу, серебряные же изделия и парча ей до сих пор вовсе не передавались», выражало надежду, что увеличение цен на передаваемые предметы позволит ускорить процесс их передачи ЦОК: «Распределяя предметы религиозного культа по оценке, приведенной комиссией при финотделе при их передаче, и делая лишь необходимую к такой оценке надбавку для покрытия расходов по хранению, распределению, ремонту, транспортированию и всякого рода обслуживанию этих предметов, Церковная организационная комиссия отнюдь не преследует каких-либо целей наживы, накопления ненужного ей капитала, который все равно она не может считать своей собственностью... Интересы Церковной организационной комиссии не в наживе, а в возможном удовлетворении верующего населения, нуждающихся в предметах религиозного культа... Принцип оценки, положенный в основание ее почти год назад, естественно, должен быть изменен. Но такое изменение... полезно было бы сделать по взаимному обсуждению... Конечно, при этом такого рода изменения оценки не должно касаться уже оцененных и переданных Церковной организационной комиссии предметов религиозного культа»³⁶.

В ситуацию с передачей «предметов религиозного культа» вмешался председатель «Исполнительного комитета по делам духовенства всея России» («Исполкомдух») А. Ф. Филиппов³⁷, убеждавший власти сделать «Исполкомдух» основным получателем передаваемых государством «предметов культа» вместо ЦОК. Поводом для действий Филиппова стало обращение к «Исполкомдуху» («как экспертному учреждению по делам духовенства») распределительного отдела Московского епархиального совета от 21 июня 1920 г., в котором речь шла о «задержке муниципальным отделом Московского совета выдачи очередной партии вина для богослужебных целей» и о возможности «чрезвычайных волнений» широких масс верующих на этой почве³⁸. В ответном письме (не позднее 24 июня 1920 г.)³⁹ председатель «Исполкомдуха» обвинил Московский епархиальный совет в том, что тот «преследует интересы только местных прихожан в обслуживании вин». Между тем по сведениям, которыми располагал «Исполкомдух», в Вятской и Пермской епархиях при богослужениях используется можжевельниковый сок, в Смоленской и Черниговской губерниях — черничный, в Оренбургской епархии «во всех церквях литургии совершаются на ягодном соку» уже в течение 2 лет⁴⁰. «А замена соком вина, по авторитетному разъяснению престарелого митрополита Макария (б[ывшего] Московского)⁴¹, неканонична, и самое та-

инство может почитаться бездейственным. Смягченное по сему вопросу мнение Святейшего Патриарха Тихона о допустимости фруктового сока многими толкуется как ошибочное и ведущее, по крайней мере, к соблазну». Филиппов полагал и «почел долгом довести до сведения Советской власти», «что немислимо, чтобы Москва и московский муниципальный отдел являлись центром бесконтрольного снабжения всей России вином, количество которого невелико и расход коего должен быть согласован с нуждами для лечебных целей... и которое со складов Москвы выдается произвольно... Так, в октябре прошлого года епископ Модест⁴² ухитрился вывезти в Воронежскую епархию 50 000 (так в тексте.— М. К.) бут[ылок] красного портвейна... и уже добился получения вновь 30 000 бут[ылок]⁴³, равно как успел и в закупке ладана. Между тем как в сельских церквях Центральной России вместо ладана приходится употреблять сосновую смолу, а вместо вина пускать в ход клюкву. Эти примеры на местах, в глуши выдвигаются как доказательства противодействия Советской власти православному богослужению, а в действительности представляют яркий образчик злоупотреблений со стороны некоторых представителей духовенства и епархиальных советов, совершенно равнодушных к общей равномерной и справедливой разверстке имеющихся запасов вина между всеми церквями России и не по числу церквей, а именно сообразно необходимости в вине каждой церкви... Духовенство... весьма озабочено, чтобы не чрезмерно волновались буржуазные прихожане богатых церквей Москвы, где доходы Иверской ежедневно исчисляются в 70 000 руб[лей] и где священники ежемесячно получают от 30 до 80 000 рублей, в то время как сельское духовенство оставляется безпризорным». «Исполкомдух» считал своим долгом заявить, что «недопустимо получение центрами (Москва и Петроград) или отдельными лицами... большого количества вина... опираясь только на формальные удостоверения фабр[ично]-заводских комитетов, свечных госуд[арственных] заводов или местных исполкомов, которые по отсутствию точных сведений да и по своему партийному исповеданию коммунистической веры не могут и не должны входить в обсуждение вопроса о поддержке церкви или церковников в какой бы то ни было форме... Необходимо устранять все злоупотребления по части снабжения вином, мукой и ладаном... не тем, чтобы подчинять распределительному органу православного епархиального совета все, даже инославные церкви... (выходит, что и при советском строе православная вера если не торжествующая, то заслуживающая большего доверия, чем остальные, хотя бы в вопросе о вине)». Филиппов писал, что «неправильное и неравномерное снабжение церквей мукой, вином и ладаном» служит «предлогом для скрытой пропаганды и возбуждения противу Советской власти», и потому вопрос о порядке распределения богослужебных веществ требует срочного урегулирования. Так как «ввиду отделения от государства Советская власть не имеет права и надобности вмешиваться в ненормальности, подобно вышеуказанной», Филиппов полагал необходимым передать дело «снабжения предметами церковного обихода всех решительно исповеданий и на всем пространстве России... через посредство “Исполкомдуха”». В этом случае распределительные функции осуществляло бы

не духовенство, не епархиальные советы (рано или поздно подлежащие упразднению) «и не по запискам советских органов, а по разверстке на основании отзывов приходских советов». Таким образом, «все снабжение планомерно и по справедливой разверстке велось [бы] учреждением, составленным по преимуществу из светских представителей тех общин, на попечение коих отданы самые церкви»⁴⁴.

В развернутом виде позиция «Исполкомдуха» по вопросу о распределении «предметов церковного обихода» была представлена в докладной записке Филиппова в Московский совет рабочих и красноармейских депутатов, направленной в 1-й половине лета 1920 г. (записка была послана и в другие инстанции для согласования: в июне 1920 г. без указания числа⁴⁵, 18/21 июня 1920 г.⁴⁶, 22 июля 1920 г.⁴⁷). Предложения Филиппова были направлены, по его словам, на исправление «явных пробелов или промахов современной политики в отношении духовенства». «Злоба дня и жизнь требуют от Московского Совета того, что послужило бы закваской при создании общих мер во всероссийском масштабе, а именно объединения разбросанной деятельности местных советских органов в области надзора и контроля за исполнением духовенством постановлений Советской власти (но не опеки и не руководства церковной области) и в области снабжения населения (а не церковей и менее всего духовенства) всеми необходимыми материалами и припасами для свободного отправления богослужения, треб и обрядов... Епархиальному совету Московским Совдепом... предоставлено право образовывать даже... специальные органы под названием “Распределительное отделение Московского епархиального совета”... куда вынуждены обращаться не только православные, но и другие исповедания, как напр[имер] униаты, лютеране, католики⁴⁸ и даже евреи, хотя ритуалом последних для надобностей пасхального богослужения им предписывается употребление только изюмного вина и особой (пейсаховой) водки, а во время бракосочетания — вина белого. Отсюда получается видимость предпочтения и доверия к православному духовенству, к которому вынужденно направляются представители иных исповеданий. С другой стороны, в распределительном органе обрисовываются некоторые нарушения, прежде всего прихотливое распределение вина бутылками по церквам, причем не принимается во внимание число верующих, употребляющих причастие, а выдача делается сообразно сведениям только духовенства. Затем количество необходимого вина исчисляется по числу незакрытых храмов, в то время как во многих служба совершается не ежедневно... Вино выдается через духовенство и только самому духовенству, а не религиозным общинам. На разрешение необходимо поставить следующий вопрос: признаются ли епархиальные советы как таковые юридическими органами, правомерно действующими и признаваемыми Советской властью, или это остатки прежнего строя, временно терпимые, не признаваемые и не пригодные для новой жизни... Всякая финансовая деятельность епархиальных советов (реформированных из консисторий), равно как и бесконтрольное извлечение духовенством доходов от богослужений и треб, должна бы проходить через контроль податной инспекции и рабочий контроль». Важ-

нейшей задачей властей, по мнению Филиппова, являлось «устранение касты церковнослужителей... от заведывания финансовыми, экономическими сторонами церковной жизни».

Филиппов обвинял московское духовенство в злоупотреблении получаемыми продуктами и в организации кустарных предприятий по производству церковных предметов: «В то время как Советская власть путем постепенного стягивания мелких учреждений в одно целое и подчинения Главкам достигает громадных... успехов, в это самое время совершенно разрозненно и независимо от интересов фиска (казны) и от плана снабжения лазаретов и населения через Комиссариат здравоохранения действует одно духовенство... До самого последнего времени епархиальный совет получал от Горпродукта по 198 пудов белой муки в месяц для выпечки просфор всем церквам Москвы, но нигде в Москве ни одной просфоры из белой муки не оказывалось в течение целого года. Последовавшее недавно со стороны юридического отдела Моск[овского] Совета ограничение нормы потребления до 5 фунт[ов] муки на каждую церковь также не дало результатов. Оптовая выпечка просфор не производится, а мука не достигает мирян, оставаясь в распоряжении духовенства. В вопросе о снабжении церквей и прихожан иконами, венчиками, свечами, ризами и облачениями наблюдается также ненормальность, убыточная для государства и вызывающая раздражение в массах. А именно: свечные епархиальные заводы почти повсеместно прекратили работу за отсутствием воска для выделки свечей, но штаты заводов остаются и рабочие получают по-прежнему плату... В пределах Москвы открыли кустарное производство свечей частные предприятия (без контроля) в селе Алексеевском, в селе Коптеве, близ Петровско-Разумовского, у Спасской заставы и на Смоленском рынке. И такие кустарные производства, развившиеся не только в центрах, но и на местах продажи воска, уничтожая значение государственных свечных заводов, лишая доходности казну (нормировочная цена, по которой отпускаются свечи, — 6000 руб[лей], спекулятивно-рыночная, по которой ведется продажа кустарями, — 160 000 руб[лей] за пуд)... Недостаток в свечах повсеместный и угрожающий. Спекулянты наживаются, а государство упустило аппарат закупки как натурального воска, так и искусственного, несмотря на наличность значительных запасов как первого, так и второго в пределах хотя бы Уфимской и Приуральской губерний, а второго — на складах пока не вскрытых, находящихся в отдельных местах России. Подобное же явление наблюдается и с лампадным маслом (гарным). Выработка его почти прекратилась; отпуск его официально незначителен, а в какой-нибудь часовне на Немецком рынке простой монах снабжает пол-Москвы по бешеным ценам превосходным маслом и греческая (а потому бесконтрольная для Советской власти) Пантелеймоновская часовня на Никольской продает открыто свечи и масло из потайных складов. Ввиду того что советские органы держатся принципа невмешательства во внутренние распорядки церковного обихода, получается несуразность: нормированные при отпуске из склада свечи, вино, ладан оказываются на Сухаревке (там ладан по 2000 руб[лей] за фунт при нормированной цене отпуск в 80 руб[лей]) либо продаются

верующим в храмах с надбавкой от 800 до 1000 процентов. Это вызывает негодование».

Филиппов затронул тему распространения религиозной литературы: «До сего времени судьба богословских и поучительных библиотек при церквях и монастырях, судьба складов с листками, брошюрами и житиями святых, т. е. изданий, появившихся в свет при старом строе... остается странной. Совершенно свободно, даже на улицах... получив свидетельство на торг печатными произведениями, распространяют не только богослужебные книги, но и всякого рода суеверие с содержанием до черносотенности... Советские органы, бдительно следящие за появлением партийной литературы, не отвечающей новому строю, совершенно равнодушны к литературе, ползущей из монастырей или церквей, опираясь на принцип отделения церкви от государства и, следовательно, невмешательства во внутренние распорядки церкви... Что касается брошюр и книг, составляющих небогослужебную литературу, то таковые должны быть переданы для предварительного рассмотрения в «Комитет по д[елам] духовенства», где в особой комиссии с участием представителей Московского Совета, Комиссариата по делам национальностей и отдела по духовенству ВЧК должна быть проведена строгая сортировка изданий, и те из них, кои представляются более удобными для переработки на писчебумажных фабриках, должны быть изъяты⁴⁹, а остальные равномерно, по мере требования из разных мест России, распределяться через посредство представителей приходских организаций... Материальные выгоды от такой продажи в большей части должны поступить в казну. В тесной связи с этим стоит вопрос о судьбе Синодальной типографии (Москвы, Петрограда) и Единоверческой, а также всех лаврских типографий как снабженных специальными шрифтами и приспособлениями для изготовления церковных книг и литературы на всех языках народностей России. В настоящее время типографии эти не использованы ввиду их специального назначения и содержания в полной мере, требуя огромных расходов на себя».

Всячески подчеркивая церковный и несоветский характер ЦОК, Филиппов писал о недопустимости для советской власти сотрудничества с данной организацией в таком важном деле, как «снабжение церквей и населения»: «Иконописное дело, деревообделочное, колокольное и по изготовлению риз, ряс, духовного одеяния и т. д. составляло интерес и заботу целой отрасли кустарей и мастеров... И в этом крупнейшем и важнейшем деле снабжения и церквей, и населения Советская власть передоверила свои функции так называемому ЦОКу (центральная организация по снабжению предметами культа) в Москве... Зависимость этого учреждения от высшего духовного ведомства, хотя бы в форме благословения на занятие должности члена ЦОКу, преобладание в нем несоветских элементов, делает настоятельно необходимой реформу его именно в данный момент. Прежде всего представляется ненормальным то, что организация ЦОКа действует по передоверию Высш[его] Сов[ета] Народн[ого] Хозяйства, играя роль ликвидационной комиссии, но в то же время действуя совершенно независимо. Никакого общего плана равномерного и справедливого снабжения церквей и мирян всей России пред-

метами культа не имеется, и такой план не был при основании предложен ЦОКу, а ЦОК не имеет надобности при существующих порядках идти навстречу видам Советской власти; содержимое передаваемых магазинов и изделия продаются нарочито медленно (несмотря на обилие денежных знаков в стране), и самый отпуск ведется только в окружные у Москвы местности, более отдаленные местности и население провинции стоит вне снабжения. Параллельно с ЦОКом... и также независимо, а главное без согласования в работе, ведут уже ускоренным темпом снабжение церквей и мирян отделы учета и распределения (в Москве и Петрограде) при совдепах и юридические отделы (при местных исполкомах). Согласно декрету, все имущество закрываемых домовых церквей, а также находящееся на складах... передаются ближайшим приходским, т. е. действующим церквам безвозмездно, за исключением случаев, когда Отдел охраны памятников старины требует себе это имущество как представляющее особо художественный или исторический интерес... просто ввиду спешности ликвидации домовых церквей... Оправданием этому является отсутствие складов для хранения ликвидируемого имущества, а главное — транспортных средств для перевозки. Тем не менее в данном случае факт снабжения Советской властью церквей и церковников имуществом бесплатно налицо. Еще более прискорбно то, что о составе спешно ликвидируемого имущества ничего не бывает известно отдаленным от центра местам и действительно бедные прихожане и захудалые церкви остаются и в данном случае обделенными, а Советская власть, проводящая уравнительный принцип снабжения беднейшего населения всем необходимым, бездейственна в данном случае, косвенно поощряя ловкость и осведомленность ближайших к Москве церковников и кулаков, что тем более опасно, что дальнейшая судьба церковного имущества, перешедшего в руки местных церквей, остается бесконтрольной и неизвестной, но зато известно, что на Сухаревке орудуют торговцы по спекулятивным ценам иконами, отпускаемыми из ЦОКа по простому ордеру за 60 руб[лей], икона же на Сухаревке продается от 500 до 800 руб[лей]... Чтобы провести равномерный план снабжения церквей... Советская власть должна внести в дело определенность, а именно... ни в коем случае не отступать от принципа уступки предметов культа только за плату. Даровые выдачи должны быть немедленно прекращены и во что бы Московскому Совдепу не обошлась бы перевозка и хранение такого имущества, принцип объединения его на учет и равномерности распределения должен быть соблюден... Советская власть при... условиях... объявленной терпимости вероисповедных начал и наличии тяготения масс к церквам и внешней обрядности... должна содействовать населению в его попытках и стремлении ко введению в культ большей красоты и художественности и, по крайней мере, не препятствовать этому, раз к этому делаются попытки верующими. Средством для примирения интересов в этой области и способом наилучшего и более выгодного для казны использования церковного имущества (характерно, что во многих монастырях и церквах находятся во дворах медные колокола и запасы меди без учета и известны случаи даровой выдачи церквам колоколов, вывезенных из Латвии и Польши), а главное — для объединения

действий в этой области, необходимо упразднение деятельности организации ЦОКа».

Средствами для исправления ситуации и пополнения государственной казны за счет церковных предметов Филиппов считал отстранение духовенства и церковных учреждений от распределения «предметов церковного обихода» и передача этой функции «Исполкомдуху»: «воспрещение со стороны 8-го отдела (Наркомата юстиции.— *М. К.*)⁵⁰ часовням, церквам и др[угим] подобным учреждениям заниматься продажей и сбытом предметов церковного обихода, подлежащих ведению учетно-распределительных органов Советской власти, и сосредоточение функций определения местонахождения необходимых для церквей припасов и продуктов и закупки их на значительный срок вперед с отправкой их на адрес Совнархоза — какому-либо частному, хотя бы и временно действующему органу, составленному по праву представительства от мирян и верующих, но не из коммунистов или советских деятелей». «Если бы Московский Совдеп предоставил функции снабжения и распределения какой-либо советской организации или хотя бы образованию из представителей тех самых общин (коим доверяются миллионной и даже миллиардной стоимости храмы и имущества), то он был бы последователен... Передача функций снабжения и выработки необходимых предметов церковного обихода всех культов через посредство хотя бы “Комитета по д[е]лам духовенства” при условии ведения дел последним во всероссийском масштабе, придерживаясь строго содержания декретов и извлечения наибольших выгод для казны; ибо только в этой плоскости и может быть допущено вмешательство государства в дела церкви».

В случае получения монопольного права на поставку верующим «предметов церковного обихода» «Исполкомдух» обещал предварительно согласовывать свои действия с Наркоматом юстиции (НКЮ) и с секретным отделом ВЧК (СО ВЧК), «откуда заключения будут даваться через Наркомюст». Неслучайно докладная записка Филиппова в Моссовет до отправки основному адресату была послана на отзыв (заключение) в СО ВЧК и в VIII отдел НКЮ. При этом Филиппов просил «срочно рассмотреть содержание доклада» (поторопиться с передачей распределительных функций «Исполкомдуху»), аргументируя необходимость ускорения двумя соображениями. 1. «Пользуясь обстоятельствами... духовенство спешит отправить вино по губерниям из муниципального склада в Москве... В частности, желательно в случае положительных взглядов Наркомюста на содержание докладов уведомить немедленно, хотя бы через секретный отдел ВЧК, горфинотдел о временном приостановлении выдачи ЦОКу всех предметов культа и церковной утвари, а также учетно-распределительному отделу (так в тексте.— *М. К.*) при Московском Совдепе — о прекращении бесплатной раздачи церквам и священникам предметов и утвари из ликвидируемых церквей. Наконец, предложить Химическому отделу ВСНХ... временно приостановить частичный отпуск ладана по духовенству, так как получение недавно крупной партии ладана (800 пуд[ов]) из Архангельска... создает при отсутствии плана снабжения всей России спекуляцию». 2. «Только в течение летних месяцев и при наличии

более или менее свободных рук (до периода уборки и мобилизации) возможно (так в тексте. — М. К.) как перевозка и погрузка, так и сосредоточение на складах товаров и предметов, о которых идет речь в докладе»⁵¹. 20 июля 1920 г. доклад Филиппова лег на стол секретаря ВЦИК А. Енукидзе с сопроводительной бумагой: «Из содержания этой записки... Вы, т[оварищ] секретарь, усмотрите значение затронутого вопроса, во-первых, в смысле упрощения работы советских учреждений по контролю за распределением и усилению доходности казны, во-вторых, в смысле устранения влияния духовенства на судьбу церковного имущества и права распоряжения им и, в-третьих, в смысле удовлетворения религиозного чувства верующих»⁵².

Первым (26 июня 1920 г.) на докладную записку Филиппова отреагировал, причем в положительном ключе, заведующий СО ВЧК М. И. Лацис: «Секретный отдел полагает необходимым обратить особое внимание на постановку вопроса о снабжении коллективов верующих вином, мукой и др[угими] предметами, необходимыми для богослужения всех культов. В секретный отдел в течение последнего года неоднократно поступали жалобы и сообщения, свидетельствующие о том, что представители столичного духовенства создали себе привилегированное положение на почве распределения при епарх[иальном] совете (православном), что также неудобно в смысле видимости предпочтения православному культу. Еще более недовольства и разногласий вызывает ЦОКом, торгующим иконами и ризами. Все затронутые в докладе вопросы служат непрерывным источником для обывательских пересуд и негодования против Советской власти, и по тому одному в интересах устранения подпольной антисоветской пропаганды передача функций снабжения из рук органов епар[хиальных] советов или подчиненных ему неизбежна. Что касается, в частности, передачи означенных функций “Комитету по делам духовенства”, то секретный отдел находит с своей стороны возможной такую передачу при условии одобрения ее Высшим Советом Народного Хозяйства. В виде опыта представляются безынтересными поручения Комитету принять на себя снабжение в предстоящих июле, августе и сентябре месяцах церковью мукой, вином и ладаном, с тем чтобы Комитет озаботился распространением путем советской печати, лекций и обращений в церквах к публике относительно совершенно несоответствия в действительности тех слухов, которые злонамеренно распространяются в народе по поводу якобы противодействия со стороны Советской власти нормальному отправлению богослужения путем невыдачи или несвоевременного снабжения предметами, необходимыми для культа. «Комитет по делам духовенства» по своему составу... (далее пропущено слово. — М. К.) в большинстве из советских лиц, избранных по представительству и с участием коммунистов, работает в контакте с советскими учреждениями более года, на правах коллективного экспертного учреждения он оказал в разное время существенную помощь секретному отделу ВЧК объяснениями по специальным вопросам, касательно церковных для всех исповеданий»⁵³.

В свою очередь VIII отдел НКЮ в лице П. А. Красикова заявил (не ранее 29 июня 1920 г.), что солидаризуется с СО ВЧК в вопросе об епархиальных

советах (в смысле лишения их доступа к распределению «предметов религиозного культа»), но не поддерживает позицию чекистов в отношении «Исполкомдуха»: «VIII отдел Наркомюста... считает противоречащим декрету “Об отделении церкви от государства” и политически нецелесообразным распределение ладана, парчи, церковного вина, бумаги, свечей и т. п. среди верующих через воспрещенные законом юридические лица, каковыми несомненно являются епархиальные советы, коль скоро они берут на себя хозяйственные и торговые функции. Посему VIII отдел полагал бы правильным сообщить по подведомственности об отмене принятого Президиумом ВСНХ порядка распределения и раздачи указанных предметов через вышеуказанные религиозные организации и о передаче дела всего распределения продуктов и предметов религиозного потребления через потребительские организации или иные другие пригодные к этому учреждения с устранением всякого элемента спекуляции, наживы и эксплуатации и укрепления влияния церковных и вообще религиозных организаций. Просим сообщить сведения о деятельности “Исполкомдуха”, о чем упоминается в конце указанного вашего отношения»⁵⁴.

Между тем Филиппов, получивший в ходе разговора с председателем Московского епархиального совета протоиереем В. И. Кедровым информацию, что партия вина в 3 тыс. бутылок для богослужебных целей готова к выдаче епархиальному совету и «чуть не выдана», предложил 7 июля 1920 г. VIII отделу НКЮ срочно направить телефонограммы в организационно-учетный отдел Московского Совета и в СО ВЧК. К записке был приложен проект телефонограммы в секретный отдел ВЧК. VIII отдел НКЮ просил «срочно принять меры к оповещению циркулярно губчека о необходимости согласования своих действий в отношении к духовенству в вопросах, касающихся упразднения местных епархиальных советов с действиями и указаниями местных отделов Наркомюста, а также срочно телефонограммой распорядиться муниципальному отделу продажи вин в Москве и винному складу Депре о прекращении отпуска вин под видом богослужебных целей духовенству вообще — как отдельным личностям, так в особенности Московской, Смоленской, Воронежской епархиям, куда, по сведениям, уже разрешены партии вина от 3 до 6 тысяч бутылок на каждую»⁵⁵.

8 июля 1920 г., на следующий день после получения в НКЮ обращения Филиппова, в VIII отдел НКЮ поступила записка Лациса, из которой явствовало, что критическое отношение Красикова к «Исполкомдуху» в СО ВЧК не разделяют: «Ввиду важности спешного разрешения вопросов, затронутых “Комитетом”... каковой доклад препровожден Секретным отделом непосредственно Московскому совету для надлежащих мер... Секретный отдел... просит... дать со своей стороны соответствующие заключения, направив их в Московский совет непосредственно по вопросу, во-первых, о возможности и способе в кратчайший срок организовать распределить распределительные функции (так в тексте.— М. К.) предметов и припасов, необходимых для всего духовенства, через посредства организации (так в тексте.— М. К.) при “Комитете по делам духовенства вся России” и, во-вторых, цирку-

лярным дополнением приказом Наркомюста (так в тексте.— *М. К.*) от 18 мая разъяснить окончательно, что хозяйственно-финансовые функции и деятельность епархиальных советов по вопросу и предметом снабжения церквей и богослужения (так в тексте.— *М. К.*) составляют ведение и предмет попечения приходских советов и религиозных групп, и потому должны быть изъяты из рук духовенства, тем более что во многих епархиях и епархиальные советы упразднены либо по собственному почину духовенства, либо по указаниям и настоянию местных исполкомов»⁵⁶.

8 июля 1920 г., в день поступления в НКЮ письма из СО ВЧК, Красиков обратился в ВСНХ к А. И. Рыкову с телефонограммой следующего содержания: «VIII отдел Наркомюста усматривает полное противоречие с декретами от 23/1–18 г. и циркуляром Наркомюста от 18-го мая [19]20 г. практикуемый Совнархозом порядок распределения вина, воска, масла, муки, ладана, свечей, церковной парчи и других материалов через старые церковные централизованные организации. Таковой порядок, несомненно, служит к укреплению этих организаций и к эксплуатации народных масс. VIII отдел Наркомюста предлагает весьма срочно этот старый порядок отменить, прекратив всякую выдачу каких бы то ни было материалов церковникам и организовав такую непосредственно заинтересованным группам верующих — через местные хозяйственные органы советской власти — в соответствии с интересами остальных граждан, одинаково нуждающихся в части этих предметов как предметов общего употребления, т. е. не создавая никаких привилегий в смысле надления общепользовными материалами отдельных групп верующих в ущерб или в привилегию сравнительно со всем гражданским населением. Одновременно просим весьма срочно сообщить те инструкции и положения, коими в указанном вопросе до сих пор Совнархоз руководствуется и, в частности, в каких соотношениях находится ВСНХ к т[ак] н[азываемой] центральной организации культа (ЦОК). Этот ЦОК по имеющимся у нас сведениям представляет из себя в сущности старую церковно-капиталистическую организацию, состоящую из старых владельцев магазинов и фабрик предметов, обслуживающих культ. При выработке нового порядка желательно приглашение представителя VIII отдела Наркомюста. Копия посылается т[оварищу] Лацису, копия — в президиум Московского совета»⁵⁷.

Через несколько дней (не ранее 10 июля 1920 г.) VIII отдел НКЮ ходатайствовал перед СО ВЧК: «Ввиду предстоящего пересмотра вопроса о снабжении... не только по городу Москве, из муниципальных московских складов, как центральных и наиболее богато снабженных перечисленных предметами и припасами, но и церквей и прихожан всей России... сообщить муниципальному отделу продажи вин, правлению МПО, Химическому отделу ВСНХ относительно временной приостановки выдачи и распределения вышеперечисленных припасов впредь до разрешения Московским советом вопроса об организации правильного учета и снабжения предметами и припасами, необходимыми при богослужении». При этом руководство VIII отдела НКЮ вновь настойчиво просило чекистов «сообщить срочно краткие сведения о деятельности “Комитета по делам духовенства” за истекший год,

если таковые имеются в Секретном отделе, и установить, насколько, по мнению Секретного отдела, целесообразна и допустима передача функций финансово-экономического характера епархиальных советов в руки «Исполкомдуха» и его провинциальных отделений»⁵⁸.

Тем временем «Исполкомдух», будучи уверенным в доброжелательном отношении к своим инициативам со стороны властных инстанций, активизировался. 19 июля 1920 г. в Президиум ВСНХ на имя А. И. Рыкова поступила телефонограмма Филиппова, в которой Комитет, ссылаясь на то, что возбужденный VIII отделом НКЮ вопрос о необходимости изменения порядка распределения предметов, необходимых для богослужения, возник на основании доклада Комитета Моссовету, просил Президиум ВСНХ разрешения высказать свои соображения. Филиппов пояснял, что «им данный вопрос обследовался в течение годичного периода»⁵⁹.

26 июля 1920 г. в письме, направленном в президиум Моссовета⁶⁰, «Исполкомдух» настаивал на выдаче ему в срочном порядке разрешения на принятие очередной партии церковного вина для распределения между церковными общинами Московской губернии по той норме и разверстке, которая установлена на совместных собраниях «Комитета по делам духовенства» и представителей приходских организаций; норма должна была пройти утверждение юридического отдела Моссовета⁶¹.

Руководство Московского совета, прежде чем выработать позицию по вопросу об изменении порядка распределения «предметов религиозного культа», запросило мнение собственного юридического отдела и получило в начале августа 1920 г. объемный текст, выдержанный в духе строгого следования современным правовым нормам. Юристы указывали на полное непонимание Филипповым термина «централизация» в управлении, «ибо все отрасли церковной жизни находятся в ведении высших органов Советской власти по специальностям, по принадлежности». «Стараясь соображениями политического характера опровергнуть практическую целесообразность ныне существующего порядка (это несмотря на то что «Исполкомдух» является организацией отнюдь не преследующей политических задач)... тов[арищ] Филиппов считает неправильным разрешение, данное Московским советом епархиальному совету на организацию «распределительного отделения», в ведение коего должно находиться распределение вина, муки и ладана для нужд богослужения...

Соображения, указанные тов[арищем] Филипповым, несостоятельны по следующим мотивам. 1) Обращение представителей других исповеданий к распределительному отделению при т[ак] н[азываемом] епархиальном совете не может считаться оскорбительным для первых, потому что факт нахождения права распределения в руках представителей православного исповедания как исповедания, охватывающего подавляющее число граждан, является лишь актом справедливости и несомненного выражения воли большинства населения (здесь и далее фрагменты подчеркнуты в документе.— М. К.), да и к тому же Советской власти неизвестно случая жалоб в этом отношении, если не считать заявления тов[арища] Филиппова, кстати сказать,

нарушающего § 6 программы работ “Исполкомдуха”, требующего содействовать примирению исповеданий, а не [раздуванию мелочей?]. 2) Только духовенство и может знать, сколько граждан в данном приходе нуждается в причастии и прочем, ибо оно одно и ведает вопросами религии. Странно было бы передать ведение вопроса о том, сколько граждан причащаются, в руки посторонних граждан. Это явилось бы грубым вмешательством в дело совести граждан и прямым нарушением § 5 декрета “Об отделении церкви от государства” от 23-го января 1918 г. Распределение же вина духовенством до сих пор не вызывало никаких нареканий со стороны граждан, да и сам тов[арищ] Филиппов не указывает никаких конкретных случаев злоупотреблений. 3) Получение вина по разрешению орган[изационно]-учетн[ого] отд[ела] М[осковского] с[овета] является действительным и единственным способом контроля и отнюдь не канцелярской волокитой, если признать, что самая организация распределения правильна...

Тов[арищ] Филиппов полагает, что т[ак] н[азываемые] епархиальные советы, не признаваемые юридическим органом, не могут иметь при себе распределительных отделений и с ними не надлежит вступать ни в какие официальные сношения... Но и в этом случае тов[арищ] Филиппов неправильно понимает сущность создавшихся отношений между церковью и государством. Как государственные органы с определенным правом, дающим возможность вмешиваться в жизнь граждан, епарх[иальные] советы, конечно, не существуют, но как частное объединение граждан на основе служения общему культу они существовать могут и существующая власть в том или ином случае может давать им те [или] иные поручения... Право на существование религиозные общества имеют, а раз так, то существующая власть может создавать при них те или иные учреждения, ведающие теми или иными исполнительными функциями... Указание тов[арища] Филиппова на то, что отпускаемая духовенству белая мука... расходуется неизвестно каким образом... нужно считать тоже неосновательным, ибо [обедни?] совершаются ежедневно по всей Москве и прихожане не жалуются на отсутствие просфор, надо полагать потому, что таковые имеются... Указание его на то, что церковные свечи и ладан можно купить на Сухаревке, а потому-де орган распределения не годен, несостоятельно хотя бы потому, что и хлеб можно купить на Сухаревке и многое другое, однако из этого не следует, что распределение хлеба нужно изъять из рук наших продовольственных органов... Нужно еще заметить, что передача продажи предметов культа в частные руки (вероятно, “Исполкомдуха”) несомненно... вызовет “раздражение в массах”, на которое так часто ссылается тов[арищ] Филиппов. Не удовлетворяет тов[арища] Филиппова центральная организация по снабжению предметами культа (ЦОК), существующая по инициативе ВСНХ и под его контролем с представительством от рабочих. Несовершенство ЦОКа тов[арищ] Филиппов видит в том, что предметы культа распределяет и продает ЦОК — “продается нарочно медленно, несмотря на обилие денежных знаков в стране”... Может быть, медленно торгуют потому, что у населения понижился интерес к [обрядам] а может быть именно [вследствие] обилия денежных знаков в стране, а не как обратно, как полагает

тов[арищ] Филиппов... Извлечение фиском доходов из предметов культа, остающихся от ликвидации домовых церквей путем их продажи, как рекомендует тов[арищ] Филиппов, абсолютно недопустимо, ибо это вызовет несомненно нарекания и даст пищу разным толкам вроде того, что домовые церкви закрываются-де не по идейно-принципиальным соображениям, а по соображениям меркантильного характера...

Необходимо отметить, что ВСНХ уже [пробовал сам] вести дело снабжения церквей предметами церковного обихода и пришел к выводу, что ныне существующий порядок [рациональнее], т. е. опытным путем пришел к нынешнему положению выдач. [Далее], почему частная организация “Исполкомдух” должен почитаться организацией, заслуживающей большего доверия, чем ВСНХ с существующим под его надзором ЦОКом и чем [отделы] распределения при советах? Деятельность “Исполкомдуха”, особенно хозяйственно-экономическая, абсолютно неизвестна, ни под чьим контролем он находится. Нужно признать, что все затронутые тов[арищем] Филипповым вопросы налажены с большим трудом, касаются весьма болезненных отношений церкви и государства, регулируются, по признанию самого же Филиппова, [в стройной степени], не вызывают конкретно никаких нареканий со стороны духовенства и верующих, если не считать нареканий самого тов[арища] Филиппова, следовательно, не нуждаются в реорганизации, особенно в данный переживаемый нами острый момент. Ввиду изложенного отд[ел] юстиции полагал бы оставить существующую ныне организацию, построенную правильно согласно существующих законов и требованию [момента?], а потому докладную записку тов[арища] Филиппова отклонить»⁶².

Инспектор центральной коллегии инспекции ВСНХ Б. С. Долгов в докладной записке от 4 августа 1920 г. изложил точку зрения, во многом отличную от мнения юристов Моссовета: «Вследствие... телефонограммы 8 отдела Наркомюста от 8-го июля с/г. за № 19, адресованной в Президиум ВСНХ тов[арищу] Рыкову, с предложением изменить практикующийся способ распределения предметов, необходимых при богослужениях, мне было поручено ЦКИ выяснить означенный вопрос и дать свое заключение. Во исполнение данного поручения мною были опрошены как представители церкви, так и органы, ведающие отпуском предметов религиозного культа, и председатель “Исполнительного к[омите]та по делам духовенства” (“Исполкомдуха”), по инициативе которого вследствие его доклада в Московский Совдеп и возник данный вопрос... Представителями церкви мне было сообщено, что церкви в настоящее время почти ничего не получают от государственных учреждений из предметов для отправления своих богослужебных обрядов. А именно: а) свечи покупаются главным образом на вольном рынке от мелких кустарных заводчиков по страшным ценам (до 160 000 руб[лей] за пуд). Лишь незначительное количество свечей церкви могут получить от государственных свечных (бывш[их] эпорхиальных) (здесь и далее так в документе.— М. К.) заводов в обмен на огарки, причем часто свечей дается меньше, чем представлено огарков; б) вино получается от эпархиальных советов от 1/2 до 1 бутылки

в месяц, что, конечно, для большинства церквей крайне недостаточно, и церкви принуждены покупать недостающее количество вина на вольном рынке в виде различных сиропов и виноградного сока; в) муки не получают вовсе, и таковая закупается для изготовления просфор просвирнями, которые пекут просфоры и продают их верующим; г) ладона тоже большинство церквей не получает, и таковой приобретает на вольном рынке по громадной цене (до 6000 руб[лей] фунт); д) масло для лампад (гарное) не получается вовсе и приобретает на вольном рынке (приблизительно по 600 руб[лей] фунт), и в настоящее время его трудно доставать; е) парчи для облачений совершенно негде достать. *Сведения, полученные от "Исполкомдуха"* (здесь и далее курсивом обозначены выделенные в документах фрагменты. — М. К.)... Им данный вопрос обследовался в течение годичного периода... Вино выдается муниципальным отделом по продаже вин Моск[овского] Совдепа... по расчету по одной бутылке вина на церковь в месяц, причем это вино выдается епархиальному совету по разрешению юридического отдела Московского Совета, а епархиальный совет раздает его по своему усмотрению... В Москву, в муниципальный отдел обращаются за вином и провинциальные епархии, и им тоже отпускается вино по удостоверениям местных исполкомов, но в К[омите]те есть сведения, что провинциальные епархии обращаются за вином и получают его и от других городов, как, напр[имер], от Ростова-н[а]-Д[ону]. Вместе с тем некоторые епархии получают и от местного Рауспирта. Так, например, Харьковская епархия сообщает К[омите]ту, что ею получается вино от харьковского Рауспирта в размере $\frac{1}{2}$ для сельской и 1 бутылку для городской церкви... Мука выдается московским церквям МПО по ордерам юридического отдела Московского Совета по 5 ф[унтов] на церковь в месяц, причем выдается она не церквям, а просвирням. Гарного масла почти нет, остался один завод в Кускове. Ладан выдается Химическим отделом ВСНХ по удостоверению от местных епархий, засвидетельствованным местными исполкомами. Свечи выдаются государственными свечными (б[ывшими] епарх[иальными]) заводами церковным старостам по усмотрению; цена на свечи нормируется Центрожиром. Недавно была цена 6000 руб[лей] пуд, а теперь она установлена 8000 руб[лей] пуд, при рыночной стоимости от 160 000 руб[лей] до 200 000 руб[лей] пуд. При этом тов[арищ] Филиппов заявил, что государственные свечные заводы, получающие от казны деньги на свое содержание и имеющие большой штат рабочих, фактически почти ничего не делают за отсутствием сырого материала (воска), и главным образом они перерабатывают доставляемые им огарки. Парча и иконы выдаются Центральной организацией культа (ЦОК), в ведении которой находятся предметы, перешедшие из бывших магазинов церковной утвари и вещей... Тов[арищ] Филиппов полагает, что ввиду того что в К[омите]те имеются все сведения о всех церквях всей России, так как все епархии посылают ему таковые сведения, а также ввиду его связи с духовенством всей России, К[омите]т должен бы играть роль осведомителя о количестве предметов, необходимых для богослужения... Возможны, с одной стороны, злоупотребления со стороны духовенства и епархиальных заводов при требованиях при получении вышеозначенных

материалов, а с другой — возбуждение недовольства среди населения, прихожан церквей, не получающих вовсе или получающих в недостаточном количестве эти материалы. Вследствие всего вышеизложенного необходимым является, по мнению тов[арища] Филиппова, организовать учреждение с осведомительными, распорядительными и частью даже заготовительными функциями. Таковым учреждением, по мнению тов[арища] Филиппова, могли быть к[омите]ты по делам духовенства или же должно быть организовано с этой целью какое-либо другое новое учреждение... Для проверки сведений, полученных мною от представителей церкви и от “Исполкомдуха”, я направился в органы, ведающие в настоящее время выдачей продуктов и предметов для богослужений... Заведующий отделом снабжения и распределения МПО (“Московское потребительное общество”. — М. К.) тов[арищ] Коган сообщил мне, что первоначально МПО самостоятельно распределяло муку для просфор по требованиям церквей, удостоверенным Московским епарх[иальным] советом. *Около года тому назад по постановлению Моск[овского] Совета мука стала выдаваться от МПО только Московскому народному (бывш[ему] епарх[иальному]) свечному заводу на все церкви Московской епархии по триста пудов в месяц.* Завод же распределял эту муку между церквями. В настоящее же время, приблизительно с марта месяца, *выдача муки от МПО прекратилась* вследствие непоступления требования на нее от свечного завода, причины же отсутствия требований на муку МПО неизвестны. В *отделе муниципальной продажи вин* (Московского Совета. — М. К.) заведующий отделом сообщил мне, что норма выдачи вина на церковь установлена президиумом Московского Совета 31 января 1919 года, а именно: “годовая норма вина на церковный приход установлена в размере *не свыше* 3-х четвертей ведра”... По этой норме отделом и производятся выдачи вина по требованиям местных епарх[иальных] советов, а где таковых еще не образовано — по требованиям местных свечных заводов. Требования как тех, так и других заверены губисполкомами или губсовнархозами, отделом Рабоче-Крестьянской инспекции и иногда и отделом Косвенных налогов (бывш[ее] Акц[изное] Упр[авление]). При требованиях указывается количество церквей в епархии, заверенное местной Советской властью. Выдается отделом вино следующим епархиям: Вологодской, Владимирской, Витебской, Московской, Костромской, Калужской, Курской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской. Некоторое время тому назад пришло распоряжение от ВЧК приостановить выдачу вина церквям, но после переговоров по этому поводу заведующего складами вин тов[арища] Баша с ВЧК отдел стал вновь отпускать вино. Между тем некоторые епархии, в том числе и Московская, перестали последнее время брать вино (из опасения столкновений с ВЧК), даже ранее ими заказанное и уже приготовленное к отпуску. Поэтому отдел продажи вин разослал недавно циркуляр по епархиям с предложением немедленно принять причитающееся им по норме вино во избежание возбуждения населения, которое может обвинить Советскую власть в умышленном припятствовании (так в тексте. — М. К.) верующим в совершении их религиозных обрядов, и до наступления зимы, когда вино, перево-

зимое в неотапливаемых вагонах, замерзнет и разорвет бутылки. От *Химотдела ВСНХ мне удалось выяснить*, что в распоряжении отдела до последнего времени почти не было ладона вследствие отсутствия доставки его как с юга, так и с севера. Лишь недавно, в конце июня, прибыло из Архангельска 800 пудов ладона, и на 10 июля в распоряжении отдела находилось 800 с небольшим пудов. *Ладон отпускался лишь очень небольшими количествами, и отпуск его совершенно ничем не регулировался.* С 1-го января по 10-е июля с/г. Химотделом было отпущено ладона: Новгородскому свечному заводу — 5 пуд[ов], церковному старосте церкви Ст. Алпатьево — 5 фунт[ов], церкви Неопалимой Купины в Москве — 10 фунт[ов], Московскому епарх[иальному] совету — 14 пуд[ов], Воронежскому свечному заводу — 24 пуд[а]. Воронежский свечной завод просил выдать ему 60 пуд[ов], и требование было подтверждено Воронежским губсовнархозом. Химотдел постановил выдать 24 пуда, но в это время поступило от секретного отдела ВЧК требование о временном прекращении отделом выдачи ладона духовенству ввиду предполагающейся реорганизации дела снабжения всех церквей всех культов в России на уравнительных началах и проекта централизации этого снабжения вследствие имеющихся сведений о неудовольствиях верующих неправильным и неравномерным распределением ладона, так что многие церкви употребляют простую сосновую смолу вместо ладона. Однако после переговоров завед[ующей] с представителями ВЧК последней разрешено было выдать 24 пуда Воронежскому свечному заводу. Представители Химотдела заявили, что они считают необходимым установить организацию, в которой концентрировались бы требования всех епархий на ладон и которая была бы осведомлена об общей потребности в нем церквей и, получая от Химотдела ладон, оптом распределяла бы его между епархиями и церквями.

Наконец я приступил к проверке сведений о составе и деятельности ЦОК (Центр[альная] организац[ия] культа)... Оказалось, что организации под таким названием не существует, но есть *“Церковная организационная комиссия”*, в ведении которой действительно находятся бывш[ие] магазины церковной утвари и парчи, а также распределение упомянутых предметов... Из общего числа магазинов, около 40, описано и принято 9, находятся в стадии приемки 8. Столь медленную приемку представители ЦОК объясняют недостатком сотрудников и рабочих. Работа очень сложная и часто даже физически тяжелая (приходится переносить поникадилы (так в тексте. — М. К.) весом до 40 пуд[ов]), служащих трудно привлечь за отсутствием какого-либо пайка. Распределение предметов началось с ноября 1919 г., причем все предметы выдаются исключительно за плату... (цена по каталогу 1916 года + 500%), вырученные от продажи деньги вносятся каждые 2 недели на текущий счет Московского Совета. Для покрытия расходов по содержанию служащих комиссией делается еще надбавка в 200%... Распределяются предметы комиссией не только в Москве, но и в провинции... Выдаются церковные предметы церквям и отдельным верующим (в случае вступления в брак, похорон и пр[оч].) по удостоверениям приходских советов и настоятелей церквей, а венки и памятники — по удостоверениям учреждений и домовых комитетов. Между тем

в Петрограде и некоторых других городах еще происходит свободная частная торговля предметами религ[иозного] культа. На мой вопрос, кому передаются церковные предметы из закрываемых домовых церквей, мне сообщили, что, по сведениям ЦОК, предметы эти передаются в юридический отдел Московского Совета, который распределяет их, по слухам, бесплатно. Члены комиссии указывали мне на тяжелое положение комиссии, так как некоторые советские органы признают комиссию и считают ее деятельность необходимой, другие же считают ее частным учреждением. Вообще, для установления правильного учета и распределения предметов религ[иозного] культа члены комиссии считают необходимым организовать какое-либо центральное учреждение, каковое руководило бы деятельностью комиссии и давало свои указания относительно распределения предметов религ[иозного] культа. Доклад "Исполкомдуха" Моск[овскому] Совету... Председатель исполкома полагает необходимым упразднение Церковн[ой] организац[ионной] комиссии как всецело духовной и передачу функций снабжения и выработки необходимых предметов церковного обихода всех культов чрез посредство "Комитета по дел[ам] духовенства" при условии ведения дел последним во всероссийском масштабе, придерживаясь строго содержания декретов и извлечения наибольших выгод для казны...

Заключение. Из всего изложенного в настоящем докладе выясняется, что действительно в настоящее время в деле снабжения православных церквей и общин верующих предметами религиозного культа нет строгой последовательности, вопросы снабжения предоставлены различным учреждениям, ничего общего между собой не имеющим, выдаются же предметы также различным учреждениям, а часто даже и отдельным лицам (епарх[иальным] советам, свечным заводам, отдельным церквам и церковным старостам). Потребность церквей никем точно не учитывается, нет учреждения, в котором бы сконцентрировались бы все сведения как о количестве церквей, так и о их потребностях, в котором велся бы учет запасов предметов религиозного культа. Одним словом, нет учреждения, которое имело бы сведения о количестве запасов, о количестве церквей и необходимых им предметах и ведал[о] бы правильным, справедливым и равномерным распределением предметов религиозного культа. Потребность же в предметах религ[иозного] культа церквей других исповеданий совершенно игнорируется и никем не удовлетворяется. Все это ведет, с одной стороны, к злоупотреблениям (возможность получения одной епархией или церковью одних и тех же предметов и припасов в нескольких местах), и с другой — к возбуждению недовольства среди населения, прихожан церквей, получающих недостаточное количество или вовсе не получающих предметов религ[иозного] культа. Данное положение нарушает также провозглашенное Советской властью равноправие всех вероисповеданий в Советской России. Ненормальным также является то положение, при котором торговля предметами религ[иозного] культа в одних городах Советской России изъята из частных рук, а в других остается свободной от контроля государственной власти, а также при котором епархии (так в тексте. — М. К.) всей России снабжаются вином отдела Московского Совета р[абочих] и кр[асноармейских] д[епутатов].

Вследствие вышеизложенного я полагаю необходимым в срочном порядке изменить *существующий в настоящее время порядок распределения припасов и предметов религ[иозного] культа, для чего является необходимым организовать учреждение, которое, с одной стороны, имело бы точный учет церквей и общин верующих всех вероисповеданий, было бы вполне осведомлено о предметах религ[иозного] культа всех исповеданий, имело бы постоянные сведения о наличии припасов и предметов религ[иозного] культа во всей России, а с другой — ведало бы справедливым, равномерным и своевременным снабжением церквей и общин верующих всех исповеданий означенными предметами. Ввиду крайней сложности и необходимости наличия специальных познаний в данном деле, я полагал бы невозможным представить (так в тексте.— М. К.) это дело каким-либо существующим в настоящее время учрежд[ениям] или организа[циям], но считал бы необходимым организовать для этой цели новое специальное учреждение, которое можно было бы назвать “Главный комитет” или “Центральная организация по снабжению предметами религиозного культа” или же придать ему какое-либо другое название. Для точного определения как состава этого учреждения, так и объема его прав и обязанностей следует немедленно организовать комиссию из представителей: а) 8-го отдела Наркомюста, б) ВСНХ (Химотдел[а]), в) юридическ[ого] отд[ела] Моск[овского] Сов[ета], г) ВЧК (отдел[а] по д[елам] духов[енства]), д) муницип[ального] отд[ела] прод[ажи] вин Моск[овского] Сов[ета] как учреждений, ведавших до сего времени делами церкви и снабжения предметами религиозного культа, е) Моск[овское] потр[ебительское] о[бщест]во, ж) духовенства всех (или наиболее распространенных) в России вероисповед[аний], з) Моск[овский] к[омитет] по делам духовен[ства] (как имеющ[ие] материалы по данному вопросу), и) Церковно-организа[ционной] комиссии (как ведающ[ей] в настоящее время распределением церковной утвари), к) инспекции ВСНХ, л) Рабоче-Крестьянской инспекции. Комиссии этой дать срок для представления выработанного проекта нового учреждения или организации. Пока же во избежание задержки в снабжении предметами культа и возбуждения тем недовольства среди населения оставить прежний порядок снабжения, о чем и объявить по принадлежности, уведомив об означенном решении 8-й отдел Наркомюста и секретное отделение (так в тексте.— М. К.) ВЧК»⁶³.*

Как видно из вышеприведенной докладной записки, на сотрудника центральной коллегии инспекции ВСНХ оказала сильное влияние позиция А. Ф. Филиппова. Многие выводы Б. С. Долгова текстуально повторяют предложения председателя «Исполкомдуха», и в перечень организаций, приглашенных к участию в работе создаваемой «Комиссии по централизации и реорганизации дела снабжения верующих предметами религиозного культа», инспектор советовал непременно включить Филиппова. На доклад центральной коллегии инспекции ВСНХ А. И. Рыков наложил резолюцию: «Считать необходимым созыв комиссии в указанном составе. Созыв комиссии поручить Наркомюсту»⁶⁴. VIII отдел НКЮ отреагировал немедленно по получении копии докладной записки Долгова с резолюцией Рыкова: «Против состава протестовать. Переговорить с Рыковым»⁶⁵. В течение 2–3 дней шли переговоры

между НКЮ и ВСНХ. В результате список участников Межведомственного совещания сократился: из него исчезли ЦОК и «Исполкомдух»⁶⁶.

Между 14 августа и 7 сентября 1920 г. состоялись 5 заседаний «Межведомственного совещания при Наркомюсте по вопросу о распределении продуктов и предметов культа». В работе совещания принимали участие представители VIII отдела НКЮ П. А. Красиков, М. В. Галкин⁶⁷ и И. А. Шпицберг⁶⁸ (1–5 заседания), представитель ВЧК В. В. Фортунатов⁶⁹ (1–3 заседания), представитель НКВД И. Г. Певнев (1–5 заседания), представители ВСНХ П. П. Ветчинкин (1, 2-е заседания) и Эпштейн (5-е заседание), представители Московского Совдепа С. С. Белоусов (1-е заседание) и Н. В. Сорвачёв (2–5 заседания), представитель Наркомпрода Ро[а]змаинский (3–5 заседания).

14 августа 1920 г., выступая перед собравшимися, П. А. Красиков заявил, что совещанию придется остановиться, главным образом, на двух вопросах: должно ли Советское государство распределять в пользу религиозных организаций предметы культа и нужно ли распределять предметы, не относящиеся к культу, как-то: мука-крупчатка, вино, сукно и т. д., помимо общего порядка их распределения в особо привилегированном для церковников порядке. С точки зрения VIII отдела НКЮ и на первый, и на второй вопрос следовало ответить отрицательно. Относительно 3-го вопроса — как поступить с предметами богослужебного характера, находящимися на складах и в лавках, Красиков заявил, что доклад Долгова по этому вопросу неудовлетворителен, а его выводы почти буквально переписаны из докладов «Исполкомдуха», посланных в разные советские учреждения⁷⁰. Совещание поручило представителю Наркомюста Галкину и представителю ВЧК Фортунатову выяснить, что представляет из себя ЦОК, «осмотреть его делопроизводство и представить сведения, какого рода товары и в каком количестве... состоят на учете ЦОК». Совещание обязало сотрудников ВСНХ и Московского совдепа к ближайшему заседанию «представить делопроизводство» командированных их учреждений «по созданию ЦОК, равно и сведения о роде и количестве продуктов, отпущенных в пользу ЦОК со времени его возникновения из хозяйственных организаций... Признать необходимым прекратить впредь до того или иного решения Межведомственного совещания выдачу всех, как нормированных, так и ненормированных, продуктов и материалов, из каких бы то ни было учреждений, в пользу каких бы то ни было религиозных объединений и служителей культа как таковых, что весьма срочно просить исполнить Президиум ВСНХ»⁷¹.

21 августа 1920 г. М. В. Галкин и В. В. Фортунатов доложили участникам совещания, что ЦОК предполагалось передать несколько десятков магазинов с предметами культа, однако в этих магазинах «имеются солидные запасы предметов общепользовательного потребления». ЦОК затягивал приемку, поскольку бывшие крупные собственники, «засевшие в ЦОКе», мечтали о перевороте, в ходе которого рассчитывали вернуть свою прежнюю собственность. Галкин и Фортунатов подробно рассказали собравшимся о посещении канцелярии ЦОК: «Из беглого же осмотра книг ЦОК мы пришли к заклю-

чению, что там велись две бухгалтерии: одна — для отчета пред Советскою властью в лице финотдела Московского Совета, в коей цены на товар показывались в размере, повышенном на 5 раз в сравнении с ценами по каталогам 1916 г. Вторая бухгалтерия велась для внутреннего употребления, и в ней цены показывались в 7, 10, 15 раз выше, чем по указанному каталогу. Московский Совет разрешил увеличивать цены лишь в 5 раз больше, остаток шел на личные нужды членов коллегии ЦОК и “ответственных” сотрудников, состоящих из ярких клерикалов и бывших крупнейших купцов-иконщиков. Эти остатки выписывались под видом непомерного жалования, столовых, совместительских и т. д. Ежемесячные получки в пользу этих лиц равнялись от 30 [до] 40 000 руб[лей]. В статьях расхода имеются ежемесячные отчисления в пользу Патриарха Тихона. Обнаружены злоупотребления по продаже предметов культа. Предприятие носит грубо спекулятивный характер. Мы решили арестовать наиболее виновных лиц и дело передать на распоряжение следственной власти»⁷².

Диссонансом вышесказанному прозвучали (на том же заседании от 21 августа) слова представителя ВСНХ П. П. Ветчинкина, который передал участникам совещания точку зрения председателя ВСНХ Рыкова: «Пусть лучше будут в вопросе о распределении этих предметов злоупотребления, но их все же необходимо выдавать, чтобы не волновался хотя бы один из темных людей. Как председатель ВСНХ т[оварищ] Рыков дал мне следующий наказ: отстаивать на необходимости (так в тексте.— М. К.) в интересах культа выдавать известное количество продуктов, вина и т. п. для таинств во избежание всяческих нареканий на Советскую власть; со злоупотреблениями и со спекуляцией на этой почве должно бороться мерами судебного воздействия. На вопрос председателя совещания т[оварища] Красикова, не имеется ли по вопросу о распределении продуктов Советскою властью в интересах культа специального постановления президиума ВСНХ и не облучен ли наказ т[оварища] Рыкова в письменную форму, т[оварищ] Ветчинкин ответил отрицательно».

По итогам состоявшейся 21 августа 1920 г. дискуссии участники совещания большинством голосов решили. 1) Продолжить экспертизу делопроизводственной документации ЦОК и вместе с тем «ввиду достаточно выяснившейся спекулятивной деятельности заправил ЦОКа» запросить мнение президиума Соссовета о возможности предания виновных в злоупотреблениях суду. 2) «Признать желательным прекратить выдачу церковникам и группам верующих вне общего для всех граждан Советской республики порядка распределения предметов общего потребления, как-то: мука, вино, гарное масло, ткани, посуда и т. д... 3) Признать желательным предметы церковного обихода, находящиеся в национализированных магазинах и складах, рассматривать как простые товары, не подлежащие передаче в порядке инструкции к декрету «Об отделении церкви от государства»... 4) Признать, что как бы не решился вопрос о необходимости распределять среди церковников и групп верующих те или иные продукты и материалы, дальнейшие распределения таковых не допускаются через старые централизованные церковные

учреждения или новые такие же созданные [в обход] декрета «Об отделении церкви от государства», но может иметь место лишь через местные советские организации и в пользу самих групп верующих... 5) Признать необходимым немедленно прекратить выдачу каких бы то ни было продуктов и предметов культа централизованным церковным организациям»⁷³.

Эти действия обосновывались необходимостью забрать у Церкви средства влияния на верующих и лишить ее остатков материальной самостоятельности. Об этом говорил Красиков на заседании участников совещания 31 августа 1920 г.: «Полагаю, что вопрос стоит не столько в том, чтобы лишить обывателей тех или иных предметов, необходимых для культа, коих они не могут доставать на вольном рынке (вино, ладан и т. д.), сколько об изъятии из рук старых церковных организаций и служителей культа дела распределения каких бы то ни было благ, что, несомненно, укрепляет их идейное и организационное влияние и служит могучим средством для наполнения клерикальной казны путем обогащения от этой спекуляции. Само собой разумеется, что с точки зрения нашего законодательства Советское государство в целом не только не обязано предоставлять какие-либо продукты в целях культа, но даже не должно этого делать. Если же практическая политика и может понудить нас встать на путь некоторых отступлений, считаясь со все еще не изжитыми суевериями широких масс, то во всяком случае эта практика должна идти исключительно от местных советов, в зависимости от местных условий, и разрешить этот вопрос надо в порядке инструкционном». С позицией Красикова был солидарен и ответственный сотрудник VIII отдела НКЮ И. А. Шпицберг: «Если будет установлен порядок снабжения реквизиатами культа непосредственно групп верующих, то должно иметь в виду, что от имени этих групп фактически действуют так называемые приходские советы... Полагал бы совершенно прекратить какую бы то ни было выдачу предметов для культа кому бы то ни было и уверен, что это прекращение выдачи при умелой агитации не вызовет даже в деревне никаких серьезных волнений». Коллег по VIII отделу поддержал и М. В. Галкин: «Даже с точки зрения канонической церковники не могут претендовать на получение от государства муки, ибо, например, просфоры, артос и т. п. суть добровольные «приношения». Именно так и было в древней христианской церкви. Позже, на примере хотя бы просфоры, мы видим, как церковники предметы религиозного культа использовали как способ торговли, спекуляции и наживы. И традиции добровольного приношения были заменены торговым аппаратом... Надо прекратить не только распределение свечей, но и самую их выделку на советских фабриках, так как обычно воск главным образом поступал из Англии через Гамбург; его сейчас почти нет, и нужда в нем ощущается во многих отраслях промышленности. Полагаю, что продукты на культ совершенно не следует выдавать. Уверен, что это не вызовет беспорядков на местах».

Было вынесено постановление: «Выдачу муки, ладана, сукна и каких бы то ни было тканей, гарного масла, вина, свечей и т. п. церковным и религиозным организациям прекратить. 2) Все предметы богослужебного характера,

поскольку они не представляют из себя художественные или исторические ценности, поскольку они не находятся в религиозном пользовании отдельных групп или лиц, а находятся на складах, в магазинах и т. п. хранилищах, рассматриваются как простые товары и должны быть использованы по мере возможности в промышленных, хозяйственных, финансовых и т. п. целях. 3) Поручить финотделу Московского Совдепа в срок не позже 4 месяцев от сего произвести учет и рассортировку указанных в пункте 2 товаров для извлечения частей и материалов, годных для целей, указанных в § 2, и сообщить Наркомюсту о количестве не годных для этой цели предметов для суждения о порядке их ликвидации. 4) Б[ывшие] магазины надгробных памятников, венков и т. п. передать в распоряжение советских организаций, заведующих погребением... 6) При отсутствии возражений со стороны ведомств поручить Наркомюсту выработать соответствующую инструкцию губисполкомам»⁷⁴.

В результате проделанной советскими органами работы судьба ЦОК была фактически решена: 23 августа 1920 г. президиум Моссовета передал на усмотрение Наркомата юстиции вопрос о дальнейшем существовании ЦОК⁷⁵. Однако итоговая позиция Межведомственного совещания по вопросу о порядке и механизме распределения «предметов религиозного культа», по сути продавленная VIII отделом НКЮ, не нашла однозначной поддержки у руководства хозяйственных ведомств, представленных среди участников совещания. Еще 26 августа 1920 г. член коллегии Наркомпрода, «заведующий управлением общего распределения» Лобачёв, высказался за то, чтобы «хотя бы в минимальном количестве выдавать в интересах культа продукты»⁷⁶. В тот же день было принято аналогичное по содержанию постановление коллегии Наркомпрода. Одновременно был утвержден проект циркуляра Наркомпрода своим региональным структурам: «Телеграмма. Всем губпродкомам. Поступают с мест запросы порядке удовлетворения потребностей религиозных культов муке точка... согласно постановления коллегии Наркомпрода 26 августа указанные потребности удовлетворяйте пределах необходимого незначительных размерах извещая всех производимых выдачах президиум губисполкома *Компрод распределения*»⁷⁷. 31 августа 1920 г. Межведомственное совещание большинством голосов предприняло попытку помешать рассылке циркуляра, противоречащего декрету «Об отделении Церкви от государства» и способного «практически на местах создать хаос и полную возможность на местах самого разнообразного его применения и, кроме того, ввиду полного отсутствия в телеграмме указаний, в чьи руки имеют попасть подлежащие распределению продукты»⁷⁸. Однако 7 сентября 1920 г. коллегия Наркомпрода, рассмотрев представленный ей протокол совещания от 31 августа, свое постановление от 26 августа оставила без изменения⁷⁹.

7 сентября 1920 г. в НКЮ была направлена выписка из постановления президиума Московского совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов от 6 сентября 1920 г. «об удовлетворении потребностей религиозного культа». Президиум Моссовета не согласился с мнением Межведомственного совещания «о прекращении удовлетворения потребностей религиозного

культы». Вместе с тем президиум Моссовета счел необходимым вести борьбу со спекуляцией в церквях, решить вопросы о порядке распределения предметов церковного обихода и о способах замены одних предметов и продуктов другими⁸⁰.

8 сентября 1920 г. в управление делами СНК поступила докладная записка А. Ф. Филиппова, в которой, в частности, говорилось: «Так как “Комитет по делам духовенства” не удостоился быть выслушанным или приглашенным в состав комиссии при Наркомюсте, то я почитаю своим долгом в интересах советской государственности высказать нижеследующие соображения... Если Совнаркому⁸¹ угодно будет принять во внимание нижеизложенное, то детальное... и снабженное цифрами обследование в форме докладной записки будет представлено мной... Почти вся Россия остается по-прежнему религиозно настроенной. Отсутствие планомерной антирелигиозной пропаганды и все увеличивающиеся бедствия при непредвиденности конца войны и гражданской смуты, наоборот, усилили влечение к Церкви и способствуют подъему религиозного мистицизма, что доказывается всенощными бдениями, длящимися по 8–10 часов кряду, групповым изучением Апокалипсиса и книг пророков и т. д., а внешним образом привело к переполнению храмов молящимися. Мало того, наблюдается, что материальное благосостояние духовенства на всем пространстве России, особенно в провинции, вне городов, возросло неизмеримо, влияние же отдельных его представителей ввиду свободного зачисления их на советскую службу усилилось. Некоторый упадок (чисто материальный) замечается у столичного духовенства, особенно высшего, и среди монашествующих вследствие отнятия у них земель, угодий, имений и собственности. Но зато щедрее (по 15–20 000 р[ублей]) идут сборы за служения, и количество архиереев растет. Высшая церковная власть рукополагает и назначает почти в каждый уездный город отдельного архиерея — явление примечательное для нашего времени и для оценки советской политики в этом вопросе. Поэтому утверждать, что с прекращением снабжения церквей и общин верующих припасами и предметами религиозного культа со стороны государства ослабнет в массах интерес к богослужебным отправлениям, рискованно... Посему практикуемая ныне борьба не культурно-просветительным способом, а так сказать ампутационным — путем арестов-заключений, воспрещения крестных ходов, воздержания в отпуске вина, ладана и т. п. — губительно действует на престиж Советской власти, особенно в малоразвитых массах... Уверяют, что именно евреи, ополчась против православия, ведут через посредство Советской власти губительные меры, уничтожающие культ... Речь идет... о многочисленной категории граждан, для которых ладан в церкви или вино при причастии составляют такую же необходимость, как табак для курящих или микстура от простуды. Вековой опыт показал, что массе верующих приносится подбодрение организма и даже исцеление во многих случаях отправления церковного ритуала... О прекращении снабжения припасами и предметами культа не может быть и речи: проектировать уничтожение складов с иконами, предание огню антиминов и иконостасов от ликвидируемых церквей и невыдачу вина и муки — это значит подготов-

лять самую опасную почву. Но и передавать в руки советских органов заботу об удовлетворении религиозных запросов в этой области — это значит не только не быть последовательным, но давать повод к толкам, что Советская власть вынуждена пойти теперь на уступки и проявить свой интерес там, где она до сих пор объявила себя стоящей выше... Интересоваться доставкой в эти учреждения припасов и провианта не дело государства. Это дело отдельных граждан или допущенных властью их соединений. Пусть церковные группы образуют свой кооператив или распределительный закрытый пункт, пусть они находят себе где угодно необходимые продукты, получают их в виде дара или покупают их по законным ценам и, доставляя законным способом, проводят их через контроль государства. Вот здесь, в области контроля и в области фискальных соображений, только отсюда начинается интерес государства: правительство обязано, во-первых, следить за тем, чтобы продукты специального назначения не являлись предметом спекуляции и поступали именно туда, куда они предположены, и, во-вторых, государство имеет получить наивысшую прибыль от подобных операций, носящих для него исключительно торговый характер. Поэтому мои предложения сводятся к установлению права за религиозными общинами (но не за духовенством, как явлением не признаваемым в современном советском строе) или, еще лучше, за групповыми соединениями их, образованными по территориальному признаку лучше, чем по вероисповедному, право на заготовку, закупку и погрузку и продуктов, и предметов, им необходимых... После удостоверения государства в назначении продукта и предмета и по получении соответствующего денежного эквивалента последний поступает в руки религиозной общины для разверстки. Само собой разумеется, что государство вольно установить при выпуске подобного товара из своих рук любую цену, даже чрезмерно повышенную, сравнительно с обычной нормировкой, это составит своего рода налог на предметы специального назначения, а государство может быть заинтересовано в равномерном снабжении и притом по пониженным ценам только масс населения в потреблении продуктов и предметов первой необходимости. В своих докладных записках Наркомюсту, Московскому Совету и Высшему Совнархозу (на имя тов[арища] Рыкова) я указывал на желательность передачи подобных функций снабжения существующему “Комитету по делам духовенства и исповеданий” с его филиальными отделениями, но не по каждой епархии, ибо это возвращало бы нас к старым временам, а по областям, куда входило бы по нескольку епархий. Но то обстоятельство, что аналогичное заключение в виде подготовительного мнения было дано инспектором Совнархоза Долговым, однофамильцем секретаря нашего “Комитета по делам духовенства” М. С. Долговой, привело 8 отдел Наркомюста к убеждению в преднамеренной согласованности мнений инспектора Совнархоза и председателя “Исполкомдуха”, что будто бы должно аннулировать самую состоятельность нашего проекта. Посему предполагая, что подобный, чисто обывательский отвод будет предложен и вниманию Совнаркома при рассмотрении настоящего вопроса, заявляю, что “Комитет по делам духовенства” отказывается от первоначальных своих предположений выступить на помощь Советской

власти в практическом разрешении этого вопроса (вернее, я лично категорически выступал от состава его⁸²)»⁸³.

Затем Филиппов, как будто забыв о только что высказанном намерении исключить возглавлявшееся им учреждение из схемы распределения «предметов религиозного культа» (во избежание подозрений «в преследовании материального интереса»), вновь в докладной записке стал упоминать «Исполкомдух» буквально в каждом абзаце (впрочем, судя по контексту, речь шла скорее всего об организации «типа “Исполкомдуха”»): «Если рекомендуемой передачей функций снабжения из рук епархиальных советов в советские органы предполагается достигнуть устранения зависимости общин верующих от духовенства, то того же результата, но, конечно, с большей легкостью они будут достигнуты передачей этих функций в какие-либо комитеты либо вообще объединения самих же верующих чисто светского характера, но не зависимые от советских учреждений... Любому советскому учреждению будут навязаны функции, ему не свойственные, не понятные и тревожные, не возмещаемые даже материальной пользой... Комитеты или объединения групп верующих прежде всего внесли бы единство в самый план распределения, которое достигнуто опытом. Более того, они бы приняли на себя изыскания материалов и предметов в целях пополнения этими предметами наличных запасов... Единственным и естественным выходом является официальное признание особого “Комитета по делам духовенства и исповеданий” как частной и притом временно действующей организации для регулирования на правах посредника между верующими и всеми органами Советской власти всяческих отношений и для удовлетворения богослужебных потребностей религиозных общин и культов. Такому комитету, или вообще специальному органу, должна быть предоставлена и забота о снабжении, приискании, доставке и справедливом распределении богослужебных предметов. Государство сразу и определенно займет позицию обыкновенного владельца предметов (иконы или ризы, ладана или ткани), для которого совершенно безразлично их назначение, а важна только стоимость и устранение элемента спекуляции. В случае прекращения запасов металлических икон “Исполкомдух” обязан сам принять меры для пополнения их, ибо фабрике, напр[имер], Бонакер по плану Совнархоза будет воспрещено дальнейшее производство икон, кои выделялись до сих пор, а жечь и искусство мастеров предоставят для выделки коробок под вакуум. Вопрос о пополнении запасов вина... Комитет... будет первоначально продолжать получение вина из старых... складов вина, а по исчерпании их (или одновременно) “Исполкомдуху” будет предоставлено право на основаниях, общих с остальными заготовителями, подновить запасы тем специальным сортом вина (кагор), который признается для церквей, но не в качестве самостоятельного потребителя или хозяина, а как агента советского учреждения, Совнархоза, на адрес которого по общему плану снабжения будут доставляться и такие продукты, как вино или еще более специальный ладан, лампадное масло (первый из Испании, второй из Персии). Приняв эти продукты в свои запасы под контроль и сдав их за плату “Исполкомдуху” для разверстки по определенной стоимости и за надзором Раб[оче]-Крест[-

янской] инспекции во избежание спекуляции, государство устраняет от себя все дальнейшее, как, напр[имер], кропотливую заботу о справедливом распределении между религиозными объединениями... С восковой промышленностью в виде выделки свечей тесно связана судьба 38 свечных заводов, состоящих в ведении Совнархоза, а также ввозная торговля по воску и сбор наличных внутренних запасов. Опыт двух лет показал... что свечные заводы приносят многомиллионные убытки, в то время как препоручив “Исполкомдуху” закупку воска и церезина (искусств[енная] вощина) из Германии, Испании и Японии при условии, напр[имер], сдачи в казну половины фабрика по твердым ценам для нужд республики и даже при условии оплаты ввозимого золотом в монетах или слитках, либо в изделиях, что подкрепит расчетные кассы республики... Также естественно... разрешится и вопрос о подвозе в необходимом количестве вина из районов производства. Теперь представляется сложной процедура доставки вина в центральный склад муниципального отдела в Москве, откуда оно возвращается по мере требований в обратном направлении, напр[имер] в Воронежскую губ[ернию], Харьковскую и т. д., несмотря на большую близость этих губерний и епархий к районам производства вина. Другое неудобно — это транспорт, связанный с перевозкой вина, которое в зимние месяцы не выдерживает дальних путешествий. Сведение вопроса к заботе самих религиозных общин о снабжении через собственный орган приведет к тому, что подвозка вина будет производиться самым экономным образом в ближайшие районы под отчет и контроль местных горнархозов с предоставлением только сведений для руководства Совнархозу. Наконец, есть еще одно важное основание к передаче функций снабжения “Исполкомдуху” как объединяющему светские, духовные и советские элементы учреждению. А именно: крестьянские массы во многих случаях скрывают огромное количество воска, закапывая его в землю, но не сдавая на учет (напр[имер], из Уфимской губ[ернии] предлагается теперь до 40 000 пудов такого воска, в Тамбовской — 22 тысячи), а буржуазные элементы держат в укрытии целые подвалы с вином (напр[имер], в обращении на рынке имеется красное вино Воронцова-Дашкова, не взятое на учет). Духовенство (и только одно оно) ввиду своей близости к народу и высокого назначения (так в тексте.— М. К.) указанных предметов... (далее пропущено слово.— М. К.) повлиять на массы в смысле выявления запасов богослужебного назначения и подготовить материал для учета хотя бы в будущем количестве потребляемого товара, производственное количество и наличность запасов. Единственным отводом противу предлагаемого мной проекта урегулирования снабжения является опасность усиления влияния духовенства и, во-вторых, беспокойство, чтобы “Исполкомдуха” не создал бы собой прочное объединение антисоветского характера, наподобие Совета объединенных приходов (Самарин и К), которые ознаменовали свою работу антисоветскими выступлениями. Но этот отвод несостоятелен. Не говоря о разнице времени и в задачах организации, ничто не мешает всем ЧеКам всей России проявить сугубое внимание к работе “Исполкомдуха”, что тем более приемлемо, что до сих пор коммунисты участвовали в этом учреждении. Но поправку

внести возможно введением официально же представителей от Наркомюста, Совнархоза и Совнаркома в состав “Исполкомдуха” для своего рода контроля за его действиями и направлением. Это внесет только объединение методов работы и ускорит сношения с ведомствами, не обязывая Советскую власть ни к чему, ибо ответственность за работу “Исполкомдуха” таким образом не перекладывается. Что же касается усиления духовенства таким путем, то это является фантазией. Как видно из разосланных отчетов о годичной деятельности, Комитет был образован и существует по делам духовенства, а не для духовенства. Представительство от последнего растворяется в массе светских элементов, а содержание отчета показывает, что Комитету приходится выдерживать сильную борьбу именно в силу принятой им на себя задачи, приспособляя духовенство к новому строю, не создавая духовным лицам ни малейшей возможности для возврата к старым порядкам.

Заключение. Итак, запасы снабжения церквей и церковников вином, ладаном, мукой, утварью и т. д. должны оставаться по-прежнему в полной целости и на учете у ныне действующих органов Советской власти, [таких] как Высший Совет по д[елам] нар[одного] хоз[яйства], муниципальный отдел и т. д. [С]обирание необходимых предметов для религиозного культа всех исповеданий и пополнение запасов должно проходить через Совет Народных Комиссаров, признанный и узаконенный “Комитет по дел[ам] духовенства”, который должен находиться в ближайшем ведении Комиссариата по делам национальностей, с неперенным участием в Комитете представителей Наркомпроса (по отделу охраны старины), Наркомюста, Продовольствия и Московск[ого] Совдепа. Функции же распределения и расходования проходят в Комитете при постоянном контроле Рабоче-Крестьянской инспекции».

В сжатом виде Филиппов изложил свою позицию в тексте от 23 августа 1920 г., предназначенном Красикову: «Точка зрения 8-го отдела ясна... не допускать передачи этих [распределительных] функций “Комитету по делам духовенства”, а направлять распределение в МПО (муку, ладан и вино) или же совершенно прекратить выдачу и снабжение (ризами, шелком, иконами и т. д.)... Но опять-таки объясню, что если не наш Комитет, то такое же подсобное учреждение, и только оно одно, может успешно и во всероссийском масштабе произвести операцию снабжения. Ибо ни МПО (только по Москве), ни местные совнархозы не будут специалистами, а главное — интересующимися этим делом людьми, не в состоянии наладить снабжение верующих необходимым. И это... конечно, только послужит поводом к затаенному внутреннему недовольству масс, предлогом для антисоветской пропаганды⁸⁴... Замедление снабжения вином, мукой, ладаном (а оно неизбежно), если пройдет через продовольственные органы республики, послужит только неудобством и нареканием, а направленное в русло самодеятельности корпорации верующих (под контролем Рабоче-Крестьянской инспекции), оно даст положительные результаты: по своему укреплению или Советская власть вовсе прекратит снабжение, или возьмет его в свои руки, но уже прочно, крупно, а не по мелочам и беспорядочно. Во всяком случае, идя навстречу Наркомюсту по 8-му отделу, мы снимаем вопрос о притязании Комитета на серьезную

роль посредника. И пусть сама власть попробует создать для этой цели новую организацию, так же, как мы, бескорыстную (ни копейки ни скрыто, ни открыто из советской казны не получили) и самоотверженную»⁸⁵.

Между тем 7 сентября 1920 г. на заключительном заседании «Межведомственного совещания при Наркомюсте по вопросу о распределении продуктов и предметов культа» было принято решение запросить «статистическую сводку о количестве поступавших от всех главков и центров ВСНХ продуктов (вина, свечей, гарного масла, парчи, ладана, золотых и серебряных изделий, колоколов и т. п.) в пользу церковников»⁸⁶. Аналогичные сведения были затребованы из МПО⁸⁷. В течение примерно месяца в адрес совещания (фактически в адрес VIII отдела НКЮ) поступала разнообразная уточняющая информация о разновидностях, объемах и способах распределения продуктов и предметов культа в Советской России. В частности, выяснилось, что «никаких... норм, регулирующих размер выдач церковникам на указанные нужды, по Наркомпроду не имеется. Выдавали местные губпродкомы по собственному усмотрению»⁸⁸. «По визам НКВД в пользу церковников вино и др[угие] продукты за 1919 и 1920 г. не выдавались»⁸⁹. Представитель ВСНХ пояснял: «Вино церковники получают из муниципального отдела при Московском Совдепе. Муку — из МПО. После заявления ВЧК ладан на нужды столичных церквей не отпускается, а лишь отпускается в провинцию. Например, на нужды Воронежской епархии отпущено 24 пуда ладана. Ныне Химотдел склонен выдавать ладан после визы настоящей Межведомственной комиссии при Наркомюсте... Утварь церковная у нас имеется, и есть тенденция ее забрать на общепользные нужды. Венки и памятники мы не выдаем. Распределением гарного масла ведает Центрожир. ВСНХ складов ЦОКу не передавал. Склады эти передал Горпродукт ЦОКу как своему органу»⁹⁰. «По сведениям товарного отдела [Главтекстиля] отпуск тканей на церковные нужды имел место лишь один раз за 1919 и 1920 годы. Именно, 16-го июля 1919 года Высшему Церковному Совету отпущено со склада № 26 согласно разрешению (слово написано неразборчиво.— М. К.) 300 аршин шелковой подкладочной ткани на сумму 9846 руб[лей]. Особых инструкций на отпуск тканей на церковные нужды не существует; порядок отпуска может быть лишь обычный. Парча и разн[ые] другие предметы церковного обихода состоят в ведении Главпродукта и распределению при Главтекстиле не подлежат»⁹¹. «Отдел изделий “Продрасмет”» ВСНХ информировал, что «колокола выдавались “Продрасметом” по требованиям крестьян согласно представленных ими протоколов религиозных собраний, утвержденных волостными исполкомами. В течение 1920 г. было выдано около 20 разрешений на право приобретения колоколов из числа эвакуированных... Отпуск производился по установленным твердым ценам»⁹². Главный комитет золото-платиновой и серебряной промышленности (Главзолото) ВСНХ сообщил: «1) Никаких предметов религиозного культа в ведении как бывшей секции золота и платины Горного отдела, так и Главзолото не было со дня их возникновения и нет в настоящее время. 2) Никаких распоряжений об отпуске золотых и серебряных изделий... на церковные нужды как бывшая секция золота и платины, так и Главзолото не давало,

следовательно, и порядка отпуска изделий на вышеперечисленные цели в Главзолоте не существует и существовать не может. 3) Производство золотых и серебряных изделий религиозного культа повсеместно воспрещено, за исключением нательных крестиков, которые допускаются к производству на основании п. 16 ст. 232 Собрания узак[онений] 1918 г. 4) Московские склады церковной утвари с 1918 г. были в ведении комиссии по ликвидации и муниципализации частной торговли в Москве, затем поступили в распоряжение комиссии по благородным металлам при финотделе Московского Совдепа и, наконец, постановлением Малого Совнаркома от 7-го ноября 1919 г. все это передано в Наркомфин»⁹³.

Этапным событием в дискуссии о распределении «продуктов и предметов культа» среди религиозных организаций стало постановление Президиума ВСНХ (не позднее 20 сентября 1920 г.), в котором говорилось: «1. Принимая во внимание религиозное настроение масс и недостаточное развитие надлежащей планомерной пропаганды, направленной против суеверия и религиозности, отказ в выдаче продуктов и предметов культа легко может послужить моментом пропаганды против Советской власти и вызвать ряд политических осложнений, а посему необходимо выдачу продуктов производить, но в минимальном размере. 2. Продукты отпускать религиозным общинам. 3. Распределение продуктов возложить на местные исполкомы советов, как органам более близко соприкасающимся с местным населением (так в тексте.— *М. К.*). 4. Норма и порядок выдачи устанавливается Междуведомственной комиссией при Наркомюсте»⁹⁴.

Однако распределительный механизм, намеченный в приведенном постановлении, не работал. Об этом свидетельствует письмо VIII отдела НКЮ в Президиум ВСНХ от 22 декабря 1920 г.: «В VIII отдел НКЮ за последнее время весьма часто обращаются разные просители с мест, желающие получить известное количество ладана, вина, масла и проч[их] предметов, необходимых в культовых целях, производство коих лежит вне возможности для самих непосредственно верующих. Из опросов просителей VIII отдел устанавливает, что распределение этих предметов между отдельными храмами и молитвенными домами данной губернии по-прежнему остается в руках церковников и церковных организаций, извлекающих для себя из перепродажи сих предметов отдельным храмам значительный доход. Так, например, в г[ороде] Витебске существует “церковно-утварный склад Св[ято-]Владимирского братства”, во главе коего стоит особое правление из трех наиболее видных церковников, которое пользуется правами юридического лица, имеет свою печать, штампы, бланки и т. д. и с коим как с учреждением сносятся местный губсовнархоз. По объяснению заведывающего (так в тексте.— *М. К.*) этим складом священника Чулкова, ежемесячная доходность склада выражается в сумме не меньше, чем один миллион рублей. VIII отдел, ссылаясь на постановления междуведомственных совещаний, имевших место в Наркомюсте, полагал бы: 1) освободить VIII Отдел [от] фиксации того или иного количества предметов, нужных верующим для культовых целей, сосредоточив распределение этих предметов в соответствующих органах ВСНХ; 2) выдачу этих предметов органы ВСНХ производят не служителям культа и отнюдь

не церковным организациям, зачастую существующим (с правами юридических лиц) в явное нарушение как основного декрета... так и всех к нему инструкций НКЮ, а непосредственно группам граждан через посредство губернских или уездных совнархозов или кооперативов, кои на своих складах, между прочим, могут иметь ладан, масло и т. д. О последующем VIII отдел просит поставить в известность. Перепродажа отпускаемых продуктов должна быть совершенно воспрещена»⁹⁵.

Между тем позиция VIII отдела НКЮ в решении практических вопросов распределения «предметов религиозного культа» постепенно перестала играть определяющую роль, т[ак] к[ак] в 1921 г. контроль над распределительным механизмом перешел в НКВД РСФСР. В 1920–1921 гг. вопросами административного регулирования взаимоотношений советской власти с религиозными организациями занимался отдел управления (ОУ) НКВД РСФСР. В нем имелся административный подотдел, в ведении которого находились все вопросы надзора за деятельностью религиозных организаций независимо от вероисповедания. В декабре 1920 г. ОУ НКВД РСФСР стал называться административным отделом (АО), бывший административный подотдел в феврале 1921 г. был преобразован в церковное отделение, затем в церковный подотдел АО НКВД РСФСР (заведующий А. В. Шестаков⁹⁶). В мае 1921 г. в НКВД было создано Административно-организационное управление (АОУ), в состав которого вошел АО (позднее переименованный в отдел общих дел) НКВД РСФСР. Таким образом, все вопросы проведения в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства» в части, касающейся административных распоряжений и мероприятий, использования молитвенных домов всех культов и т. п., отныне были сосредоточены в АО (отделе общих дел) АОУ НКВД РСФСР. В сентябре 1921 г. в связи с сокращением штатов церковный подотдел был расформирован. Его функции перешли к подотделу адм[инистративного] надзора. Работой на местах по обеспечению административного надзора за деятельностью религиозных организаций занимались общие подотделы (с мая 1921 г. административные подотделы) губернских, областных и уездных ОУ. В составе этих подотделов были выделены так называемые столы по церковным вопросам⁹⁷.

27 января 1921 г. НКВД РСФСР обратился в VIII отдел НКЮ с письмом следующего содержания: «В Наркомвнудел поступает ряд заявлений от различного рода групп верующих о снабжении их предметами культа, ныне находящимися в распоряжении органов Советской власти. Происходившие по этому поводу суждения в Межведомственном совещании при НКЮ не дали надлежащих результатов, так как они были г[лавным] о[бразом] связаны с ликвидацией епархиальных советов и ЦОК, занимавшейся спекуляцией. Правда, большинство членов совещания принципиально высказалось за полное прекращение каких бы то ни было выдач «церковным и религиозным» организациям, и VIII отд[ел] НКЮ взял на себя задачу разослать по этому поводу соответствующий циркуляр губисполкомам (постановление Межведомст[венного] совещ[ания] 31/VIII-20 г.), но до сих пор, насколько известно НКВД, такой циркуляр издан не был. Наряду с этим, согласно декретам о сосредоточении

запасов виноградных вин в Главспирте и о выдаче вина для церковных нужд с разрешения НКВД, в данный вопрос была внесена несколько иная точка зрения, а именно подчеркивалась необходимость идти навстречу существующим традициям масс и снабжать церковные организации вином для целей культа. Вместе с этим и в отчете VIII отд[ела] НКЮ указано, что продукты и произведения промышленности д[олжны] б[ыть] отпускаемы органами Советской власти непосредственно группам верующих. Т[аким] о[бразом], создается и для центра, и для местных советов неопределенность, которую необходимо устранить. Важно также указать, что в Москве имеются целые склады различных предметов религиозного культа, о существовании которых осведомлены не только группы верующих в Москве, но и в провинции. Это имущество слабо используется (так в тексте.— *М. К.*) хозяйственными органами Советской власти, а на местах даже разрушается и приходит в негодность. НКВД считает необходимым пересмотреть заключения Междув[едомственного] совещания при НКЮ от 31/VIII-20 г. и просит Вас делегировать на совещание по данному вопросу своего представителя как для принципиального обмена мнениями, так и для практической разработки соответствующих постановлений. Совещание имеет состояться 29 января с. г. в 1 час дня в помещении НКВД, четвертый этаж, комната № 56, кабинет завед[ующего] церковным отделением т[оварища] Шестакова»⁹⁸. Судя по штампу входящей документации VIII отдела НКЮ (№ 79 от 31 января 1921 г.), приглашение было получено с опозданием. Об этом же свидетельствует и письменное указание Красикова от 31 января 1921 г.: передать в НКВД просьбу извещать о подобного рода мероприятиях заранее. 2 февраля 1921 г. приглашение VIII отделу НКЮ было повторено: «При НКВД образовалась междуведомственная комиссия по вопросу об отпуске группам верующих предметов культа. На 5-е февраля... назначено расширенное заседание представителей ведомств по вопросам о выдаче группам верующих: 1) муки для просфор, 2) гарного масла, 3) свечей, 4) ладона, 5) церковных облачений и утвари. Представители соответствующих хозяйственных органов обязаны подготовить в письменном виде краткие сводные материалы об имеющихся запасах и производстве вышеозначенных предметов. В порядок дня включаются также вопросы об установлении системы распределения продуктов, порядка и норм их выдачи»⁹⁹.

В совещании представителей ведомств по вопросу об отпуске предметов культа при церковном подотделе НКВД, состоявшегося 2 или 11 (в тексте неразборчиво.— *М. К.*) февраля 1921 г., принимали участие сотрудники Мосснаба Московского совнархоза, Химотдела ВСНХ, Центрожира, Наркомпрода, отдела управления Моссовета, Главтекстиля и др.¹⁰⁰ Совещание постановило: «Производить отпуск муки для просфор для церквей Москвы и Петрограда по 10 ф[унтов] на каждый месяц... Считая по 20 ламп на церковь и по $\frac{1}{4}$ ф[унта] на лампу на 3 дня и 72 службы в году, признать необходимым отпуск около 60 000 пуд[ов] масла в год на 20 000 церквей в Советской России¹⁰¹... Гарное масло производится Главконефтью, распределяется Главтопом по нарядам Комиссии использования, куда и надлежит обратиться за разрешением... Признавая необходимым использование всего воска для

нужд государства, не брать на себя снабжение церквей свечами, и отпуск ВСНХ воска для нужд производства свечей д[олжен] производиться с ведома Комиссии. Имеющиеся в НКПроде 151 пару свечей передать свечному заводу через Центрожир, с тем чтобы соответствующее по весу количество было передано в госуд[арственный] фонд воска и ВСНХ... Принимая во внимание, что в Химотделе имеется около 570 пудов ладана, нормы отпуска ей (так в тексте.— *М. К.*) не устанавливать и отпускать лишь в исключительных случаях... *Слушали:* Об отпуске церковных облачений и утвари: кадил, книг, икон и пр[оч]. *Постановили...* Президиум М. коммун. (так в тексте.— *М. К.*) высказывается против выдачи облачений и утвари, потому что: 1) церкви снабжены достаточно и из них ничего не изымалось, 2) возможно использовать эти товары для Внешторга, 3) производства этих вещей не имеется [в] достаточном количестве... Все возможное для внешней торговли (слово неразборчиво.— *М. К.*) использовать для указанных целей, остальное выдавать в минимальных количествах группам верующих... Все перечисленные продукты и предметы для целей культа выдаются через местные органы управления, по видам которых производится отпуск хозяйственными органами»¹⁰².

Из внутриведомственной и межведомственной переписки 1-й половины 1921 г. становится явной пестрая картина попыток распределения «предметов религиозного культа». Так, 17 января 1921 г. АО НКВД РСФСР разослал циркулярные указания (№ 16) отделам управления губисполкомов: «Согласно постановления (так в тексте.— *М. К.*), входящего в силу с 1-го января 1921 г. о временном порядке распределения виноградных вин для различных целей и в том числе для нужд религиозного культа¹⁰³, при Главспирте образована особая комиссия с участием представителя НКВД. В заседании комиссии 24 декабря 1920 г. постановлено отпустить на первую четверть 1921 г. для нужд религиозного культа 50 000 бутылок виноградного вина по расчету 1 бутылку на 1 церковь [или] группу верующих на 3 месяца. Отпуск будет производиться из складов московского Рауспирта по ордерам НКВД, [куда и] надлежит направлять всех лиц, получающих виноградные вина для нужд культа Вашей губернии. Эти лица должны предъявлять [заверенные] Вами точные данные о количестве церковных групп верующих в губернии, согласно договорам, заключенным отделами юстиции с группами верующих. В соответствии с этими данными и будут отпускатся вина. Контроль над правильным расходованием вина для целей культа возлагается на отделы управления губисполкомов»¹⁰⁴. В июне 1921 г. все губернии, получавшие виноградное вино для целей культа, были закреплены за складами Московского, Нижегородского и Петроградского Рауспирта. Вино по-прежнему отпускалось с разрешения церковного отделения НКВД «по четвертям года по 1 бутылке на церковь на 3 месяца». За ордерами надлежало «направлять представителей Советской власти, а не духовенства». При этом вино следовало хранить на складах губернского города и распределять по ордерам Губернского отдела и лишь тем группам верующих, у которых были заключены договоры с Советской властью. «Желательно,— говорилось в одном из нормативных документов,— чтобы вино получали сами верующие, а не священники. Отпуск

вина со складов производится не на деньги, а в обмен на продукты по установленному Центром и на местах товарному эквиваленту в общем порядке фактического обмена продуктов национализированной промышленности»¹⁰⁵. 22 марта 1921 г. управление делами Моссовета запрашивало церковный подотдел НКВД РСФСР, как поступить с иконами¹⁰⁶ и другими «предметами религиозного культа», имеющимися на складах Московского совета¹⁰⁷.

10 (по другим сведениям, 15) мая 1921 г. под эгидой Чрезвычайной комиссии по электроснабжению Москвы состоялось совещание по вопросу о нормах потребления электроэнергии храмами¹⁰⁸. Среди прочих в качестве эксперта в работе совещания принимал участие московский священник С. И. Фрязинов. Собравшиеся обсудили проект постановления, представленный заведующим контрольным отделом МГЭС. В нем речь шла о том, что в целях экономии топлива введены ограничения в пользовании электроэнергией. Для освещения храмов и молитвенных домов устанавливались специальные нормы: на апрель, май и июнь — 35 кв/ч на каждые 5 кв. саженей площади пола освещаемых помещений. Разрешалось использование электричества только в целях освещения помещения, но не для световых эффектов и декорации (освещение в лампадах и подсвечниках). Не допускалось использование люстр (паникадил) с электрическими свечами, разрешалось зажигать одновременно не более $\frac{1}{4}$ всего количества свеч. В прочей электрической арматуре должно быть оставлено не более одной лампы. Запрещалось использование угольных ламп, где бы таковые не находились. Новые присоединения люстр временно, впредь до улучшения топливного положения, не допускались: в храмах и молитвенных домах разрешалось устройство освещения лишь с помощью одиночных ламп. Каждая группа верующих, в ведение которой передан советской властью местный храм и молитвенный дом, обязана в течение одной недели выбрать ответственное перед Чрезвычайной комиссией по электроснабжению Москвы и ее района лицо, отвечающее за соблюдение изложенных положений¹⁰⁹. По итогам дискуссии участники совещания признали необходимым изменить 1-й пункт проекта, где устанавливалась норма электроэнергии для храмов в 2 раза меньше, чем для общественных и правительственных учреждений, и установить для освещения храмов те же нормы, что и для всех общественных учреждений. По 2-му пункту совещание согласилось с тем, что освещение подсвечниками и отчасти лампадами отнюдь не является декоративным. В пункте 3 добавлено, что «полное освещение храма может быть допущено только в строго установленные наиболее чтимые праздники»¹¹⁰.

Отсутствовавший на совещании заведующий церковным подотделом НКВД РСФСР А. А. Шестаков по получении текстов протоколов заседания выразил 14 июня 1921 г. протест против отпуска церквам на весенние и летние месяцы электроэнергии, поскольку в эти месяцы вечерние службы и заутрени могут быть совершаемы при дневном свете. Отпускать же электроэнергию для декоративных целей и вовсе нецелесообразно»¹¹¹. 23 июля 1921 г. заведующий отделом общих дел и заведующий церковным подотделом НКВД РСФСР специальным письмом в ВСНХ подтвердили, что «в вопросе снабжения религиозных культов церковным имуществом и продуктами церков-

ного потребления» по-прежнему отсутствует какая-либо система. «Церковный п[од]отдел НКВД считает необходимым разрешить вопрос в порядке междуведомственного совещания. НКВД полагает необходимым централизовать аппарат снабжения религиозных культов при НКВД, причем все склады с церковным имуществом передать в НКПрод, который и будет производить отпуск в порядке товарообмена»¹¹².

Примеры, аналогичные вышеприведенным, можно было бы продолжить. Все они свидетельствуют об одном: распределительный механизм, унаследованный от времени военного коммунизма, функционировал с серьезными перебоями. Впрочем, страна уже вступала в новый, «нэповский», период, время частной инициативы и рыночных преобразований.

Что касается судьбы членов ЦОК, то, как и можно было предположить, опыт вынужденного сотрудничества советских властей с церковными структурами в решении проблемы распределения церковных предметов завершился судом над членами церковной комиссии. Однако несколько неожиданным для атеистического государства было принятое судом решение. 21 апреля 1921 г. народный суд на особой сессии при Московском совнарсуде заслушал дело по обвинению членов ЦОК Любимова, Ремизова, Колонина, Забавина, Оловянишникова и Соколова «в том, что они произвольно увеличивали продажную стоимость переданных им для продажи группам верующих предметов религиозного культа и при этом полученную прибыль употребили на личные нужды Комиссии, т. е. учинили преступное деяние, именуемое спекуляцией и растратой народного имущества... Суд нашел установленным... [что] ни Горпродуктом, ни финотделом не был точно определен порядок передачи, главным образом, ничего не было сказано о том, на какие средства будет существовать самая ЦОК, как она будет оплачивать расходы по содержанию персонала, по ремонту помещения и пр[оч.]... Вследствие этой неопределенности члены ЦОК истолковали соглашение с финотделом в том смысле, что установленная финотделом цена на предметы религиозного культа — [на] 500% выше цен 1916 г. по преискуранту Оловянишникова — есть только та цена, по которой ЦОК должна оплачивать переданные ей предметы религиозного культа, но ни в коем случае не та цена, выше которой они продавать не могли. Финансовый отдел не мог не знать, что ЦОК несет по организации всего дела расходы и, не получая от государства денег на оплату этих расходов, должна была изыскивать какие-то другие пути, что, конечно, должно было привести ЦОК к увеличению стоимости товаров больше чем на 500%. Таким образом, в том, что совершенно не были урегулированы взаимоотношения ЦОК с органами Советской власти, виноваты прежде всего эти последние... Суд находит по представленным материалам, что ЦОК не злоупотребила предоставленной ей возможности (так в тексте. — М. К.) и если некоторые ее ходы представляются рискованными, как, например, взносы Патриарху Тихону... то общий характер расходования сумм, полученных от надбавки на цену предметов религиозного культа, не имеет стремление к обогащению как ЦОК в целом, так и отдельных ее членов». В силу всего выше сказанного члены ЦОК были по суду оправданы¹¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Леонтьева Т. Г.* Православные подданные и большевистская революция: Особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // *Гражданская война в России: События, мнения, оценки.* М., 2002. С. 497.
- ² Российский государственный исторический архив, ф. 831, оп. 1, д. 7, л. 245–246 об.
- ³ Президиум ВСНХ «в заседании своем от 25 января 1919 г., заслушав вопрос о принятии в ведение ВСНХ свечных епархиальных заводов [п. 2], постановил: а) сосредоточить в ведении ВСНХ в лице Главного комитета жировой промышленности все заводы, вырабатывающие восковые свечи; б) объявить собственностью РСФСР все бывшие епархиальные свечные заводы со всеми складами, магазинами, оборудованием и всем вообще имуществом и обязать весь технический и служебный персонал этих заводов оставаться на местах и нести свои обязанности с ответственностью в случае уклонения... (далее пропущено слово.— *М. К.*) по всей строгости революционных законов; в) возложить на Центрожир организацию управления заводами. Поручить тов[арищу] Рыкову огласить данное постановление на заседании Совнаркома от 25 января 1919 г.» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 88).
- ⁴ Центральный государственный архив Московской области (далее — ЦГА МО), ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 22.
- ⁵ Иоасаф (Каллистов; 1850 (1851, 1852) г.— 3 февраля 1920 г.). 9 декабря 1912 г. хиротонисан во епископа Новогеоргиевского, викария Варшавской епархии. Во время Первой мировой войны эвакуировался в Москву. 20 марта 1917 г. был назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии (до 15 января 1918 г.), временно управляющим Московской (до 21 июня 1917 г.) и Варшавской епархиями. Член Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг., во время Собора был возведен в сан архиепископа. С 15 января 1918 г. архиепископ Коломенский и Можайский, с 16 января 1918 г. также являлся Патриаршим наместником, управляющим воссозданной Патриаршей областью, с 11 октября 1919 г. архиепископ Крутицкий. В ночь с 24 на 25 декабря 1919 г. арестован, в январе 1920 г. освобожден.
- ⁶ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 21, 23.
- ⁷ ГА РФ, А–353, оп. 2, д. 708, л. 215–218 об.
- ⁸ Николай Александрович Любимов (1858 г.— 26 февраля 1924 г.), протоиерей, в 1911–1918 гг. настоятель Успенского собора Кремля. В апреле—июне 1917 г. член Святейшего Синода, член Предсоборного совета, Поместного Собора Российской Церкви 1917–1918 гг. После окончания Собора состоял председателем Делегации по защите имущественных и иных прав Русской Церкви перед советским правительством. Член Священного Синода в 1918–1922 гг. и Высшего Церковного Совета в 1922–1924 гг. В 1922 и 1923 гг. несколько месяцев находился под арестом.
- ⁹ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 23. См. также: ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 225; ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 17.
- ¹⁰ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 72–75 об., 215.
- ¹¹ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 15–15 об., 16–16 об., 19–20, 27.
- ¹² ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 219, 236; ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 5.
- ¹³ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 3, 7–7 об.
- ¹⁴ Заведующий отделом благородных металлов (председатель комиссии по благородным металлам) финотдела Московского Совета Н. В. Сорвачёв 21 августа 1920 г. свидетельствовал: «Московский Совдеп исполняет роль центрального учреждения по собиранию благородных металлов в объеме всей советской территории. Эти благородные металлы сдавались в учреждения Московского Совдепа и с фронта, и из других городов. 20-го января 1918 г. был утвержден финотдел Московского Совдепа. Церковные ценности находились в ведении Горпродукта... Право ревизии деятельности ЦОКа у финотдела не имеется» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 91–93).

- ¹⁵ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 762, л. 17–18 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 72–75 об., 215–220 об.
- ¹⁶ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 215–219 об.
- ¹⁷ Там же, л. 208–211 об., 219 об.— 220 об.
- ¹⁸ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 7 об.
- ¹⁹ Там же, л. 8.
- ²⁰ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 239. См. также: ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 10, 12–13.
- ²¹ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 238. Этому решению предшествовала записка председателя ЦОК Н. Любимова в Моссовет от 8 июля 1919 г.: «На ваше отношение от 27-го июня с. г... по вопросу о ходатайстве духовенства о выдаче пшеничной муки для просфор Церковная организационная комиссия имеет сообщить, что, по наведенным справкам, в г[ороде] Москве числится 398 церквей приходских, монастырских и соборных, в которых почти во всех совершается ежедневно литургия, а в воскресенье и праздники — 2 литургии. Кроме того, в случае похорон или особых заказных обеден, и в будние дни совершаются 2 литургии. Для совершения каждой литургии требуется 5 просфор, на выпечку которых в обыкновенное время употреблялось $\frac{3}{4}$ фунта муки, но, принимая во внимание ныне уменьшенный размер просфор до возможного минимума — необходимое количество муки, потребной для выпечки 5 просфор, может быть низведено до $\frac{7}{16}$ фунта, что составит суточную необходимую потребность для всех церквей гор[ода] Москвы шесть (6) пудов 20 фунтов» (ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 9).
- ²² ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 8.
- ²³ В середине декабря 1918 г. делегация Русской Православной Церкви просила СНК прекратить реквизицию епархиальных библиотек и конфискацию религиозной литературы (ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 155, л. 37–39).
- ²⁴ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 762, л. 17–18 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 208–211 об.
- ²⁵ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 3–3 об.
- ²⁶ Там же, л. 3 об.
- ²⁷ В докладной записке ЦОК в коллегию финотдела о порядке принятия «предметов религиозного культа» и распределении их между верующими (не позднее 28 мая 1920 г.) было написано: «Парча как таковая... всегда служила исключительно принадлежностью церковного обихода и, если и имела применение вне церковных нужд, то лишь в области театра или как приклад для предметов роскоши и дамских нарядов, и, кроме того, ничтожный процент парчи был применяем Востоком как материал для халатов, да в сущности в последних случаях самая выработка парчи была иная, парча преимущественно употреблялась мягкая. Словом, большая часть (не менее 90%) всей парчи шла на церковные надобности, причем из этой последней парчи далеко не вся, а скорее меньшая часть снабжена эмблемами и символами религиозного свойства, так как эти мотивы на парчовых тканях были введены лишь последние десять лет... Под парчой церковной Церковная организационная комиссия понимает парчу, необходимую для употребления в церковном обиходе, согласно церковных укладов и обычаев. Сюда относятся: 1) парча с явно выраженными эмблемами и символами христианства, 2) гладкая церковная ткань (так называемые газеты, муары и проч.) как один из самых ходовых в церковном обиходе сортов, так, белые газетовые облачения употребляются при погребениях и непременно в некоторые праздники (Крещение, Преображение, Вознесение), желтое газетовое — в торжественные церковные дни, 3) черный и красный бархат, облачения из которого в первом случае употребляются в дни Великого поста, а во втором — в Пасху... 4) необходимые принадлежности для церковных облачений, ассортимент различных прикладов, голунов (так в тексте.— *М. К.*), кистей, крестов и, главным образом, подкладки, без чего и самая парча потеряла бы смысл своего назначения. Церковная организационная комиссия в деле распределения парчи... яв-

ляется почти единственным источником снабжения на всю Советскую Российскую Республику; за пределами Московской губернии, сколько известно, не только нет ни одного парчового производства, нет и ни одного склада, что равным образом можно отметить и по отношению ко всем другим предметам религиозного культа за исключением разве местного кустарного производства икон» (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 215–218 об.).

²⁸ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 215–218 об.

²⁹ Объяснение этого решения дал 21 августа 1920 г. представитель ВСНХ П. П. Ветчинкин: «Коллегия, заведовавшая бывшими епархиальными заводами, была арестована за мошеннические проделки. Тогда Центрожир решил реквизировать старый порядок по распределению свечей и созвал специальную комиссию из представителей ЦОКа, епархиальных советов (так в тексте.— М. К.) и т. д. Создался тот порядок распределения, который существует поныне» (Там же, л. 91–93).

³⁰ Там же, л. 23–25.

³¹ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 696, л. 2.

³² ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 242.

³³ Следование подобной логике, по словам автора доклада, предполагало определенный подход к разрешению ряда практических задач, возникавших во взаимоотношениях государства и ЦОК, скажем, в вопросе о возможности передачи Церкви «полуфабрикатов», «недоделанных изделий» общим весом до 3 тыс. пудов: «Если мы сдадим полуфабрикаты ЦОК, то этим мы даем возможность... и право на изготовление изделий... Давать ли им право на изготовление изделий, как вновь, так и ремонт таковых? Если мы не дадим, то этим самым нарушим свободу... Пример: если упал крест с вершущи церкви, то мы должны препятствовать его восстановлению... При твердом решении борьбы с религией мы в праве препятствовать, но мы все-таки жили и живем компромиссами, и здесь они необходимы, потому что население еще не перевоспитало себя в противоположном направлении, и оно все-таки негодующе будет смотреть на то, что мы вмешиваемся в жизнь культов и тормозно ведем себя в его интересах... Этим самым устраняется сомнение в передаче полуфабрикатов» (Там же, л. 208–211 об.).

³⁴ Руководители ЦОК не позднее 28 мая 1920 г. объясняли значительное превышение суммы взноса тем, что это был аванс за предметы, которые предполагалось получить в будущем: «В начале февраля 1920 г. вследствие накопившейся в кассе... свободной наличности, образовавшейся в то время вследствие усиленного сезонного распределения предметов культа и неизрасходования тогда всего предназначенного на обслуживание и ремонтирование этих предметов, была внесена авансом на тот же текущий счет вся почти кассовая наличность в сумме 400 000 рублей» (Там же, л. 215–218 об.).

³⁵ Там же, л. 208–211 об.

³⁶ Там же, л. 215–218 об.

³⁷ Алексей Фролович Филиппов (Арский) (1867–1936 гг.), с декабря 1917 г. секретный сотрудник при президиуме ВЧК, с лета 1919 г., по некоторым сведениям, штатный сотрудник общего отдела ВЧК. С 13 сентября 1920 г. по 12 февраля 1921 г. находился под арестом. После освобождения в органах ВЧК не служил. О Филиппове и об «Исполкомдухе» см.: *Крапивин М. Ю.* Архиепископ Варнава (Накропин) и религиозная политика ВЧК: 1918–1922 годы // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4(23/24). С. 121–135.

³⁸ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 26.

³⁹ О переписке с Московским епархиальным советом Филиппов информировал VIII отдел Наркомата юстиции, курировавший религиозную политику. «Исполкомдух» — VIII отделу НКЮ 24 июня 1920 г.: «Препровождается при сем в копии заявление “Исполкомдуха” епархиальному совету Москвы по вопросу о снабжении церковью вином... Так как действительно на этой почве происходит недовольство, развиваемое церковными старостами Москвы, в том смысле, что Советская власть за-

трудняет якобы отпуск вина, в то время как Святейшим Патриархом было дано разъяснение в смысле совершенной каноничности замены вина фруктовыми соками, то по церквам комитет разослал особое циркулярное уведомление» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 26).

⁴⁰ Из докладной записки председателя «Комитета по делам духовенства» Филиппова в Моссовет не ранее 18 июня 1920 г.: «По отзывам, присланным на запрос “Исполкомдуха” по данному вопросу, оказывается, что Оренбургская, Пермская и Вятская и др[угие] епархии уже два года как не получают ниоткуда вина, что в Костромской, Пензенской и Смоленской губ[ерниях] за упразднением по постановлению местных властей епархиальных советов распределительные функции совершенно отпали от духовенства, а в некоторых местах снабжение необходимыми припасами и продуктами через органы Советской власти совершенно не практикуется и забота об этом всецело лежит на самих верующих (Самара, Астрахань, Царицын и др.). Следовательно, по всему пространству России применяются самые разнообразные формы снабжения с ведома центральной церковной власти» (Там же, л. 32–37, 51–61; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 17, оп. 86, д. 247, л. 91–96 об.).

⁴¹ Свт. Макарий (Парвицкий-Невский; 1835–1926 гг.), с 25 ноября 1912 г. митрополит Московский и Коломенский, член Святейшего Синода. Определением Синода от 20 марта 1917 г. уволен с Московской кафедры. В 1917 г. некоторое время жил на покое в Зосимовой Смоленской пустыни, а затем был переведен в московский Николо-Угрешский монастырь. В 1925 г., после закрытия Николо-Угрешского монастыря, жил в селе Котельники под Москвой, где и скончался.

⁴² Модест (Никитин; 1867–1937 гг.), с 9 октября 1917 г. епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии, 11 декабря 1917 г. уволен на покой. Во время описываемых событий жил в Белгородском монастыре Воронежской губернии.

⁴³ Из докладной записки Филиппова в Моссовет (не ранее 18 июня 1920 г.): «Везде чувствуется острый недостаток вина сравнительно с нормой требования. И это продолжается давно, причем одновременно с этим наблюдаются такие ненормальные явления, как отпуск в октябре пр[ошлого] года в Воронежскую губернию 5000 (так в тексте. — М. К.) бутылок, в большинстве портвейна (несмотря на наличие красного церковного вина в Москве) по требованию фабрично-заводского комитета государственного свечного завода, в то время как число церквей и норма потребления вина в той епархии значительно ниже требуемых для епархии запасов» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 32–37, 51–61; РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 247, л. 91–96 об.).

⁴⁴ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 27–28 об.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 247, л. 91–96 об.

⁴⁶ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 32–37.

⁴⁷ Там же, л. 51–61.

⁴⁸ Заявление «представителя общин и церквей католической греко-восточной Церкви и члена “Исполкомдуха”» священника Владимира Абрикосова в «Исполнительный комитет по делам духовенства» от 16 июля 1920 г.: «В дополнение к протоколу заседания “Исполкомдуха” 29 июня 1920 г. настоящим подтверждаю желательность немедленной передачи в ведение “Комитета по делам духовенства” дела распределения между церквами и религиозными обществами [продуктов и предметов религиозного культа], как организации центральной, могущей беспристрастно и компетентно удовлетворять в этой области религиозные интересы всех исповеданий. К тому же централизация снабжения означенными предметами в одном органе значительно облегчит способ их получения и избавит от необходимости обращаться в различные места и учреждения. Считаю долгом добавить, что по правилам Римско-католической Церкви как восточного, так и западного обряда для совершения литургии требуется натуральное виноградное вино и чистая пшеничная мука, которые никакими суррогатами (ягодные соки) и иными веществами заменены быть

не могут и отсутствие которых делает немислимым совершение богослужения» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 69).

⁴⁹ 30 августа 1919 г. VIII отдел НКЮ принял решение о передаче религиозной литературы из «советских учреждений» на переработку (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 1001, оп. 8, д. 8, л. 4).

⁵⁰ В первые годы советской власти контроль над проведением в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был возложен на VIII «ликвидационный» (1918–1922 гг.), затем V «культурный» (1922–1924 гг.) отдел НКЮ во главе с П. А. Красиковым. Отдел должен был «ликвидировать» управленческие церковные структуры, «расчистить общество от феодально-буржуазных ограничений свободы совести», в постоянном режиме отслеживать нарушения законодательства о культах и бороться с ними. Среди прочего VIII отдел НКЮ обязан был помогать соответствующим ведомствам (в частности, ВЧК) в «пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений». Петр Ананьевич Красиков (1870–1939 гг.), с 1908 г. служил помощником присяжного поверенного в Петрограде, с марта 1918 г. заместитель наркома юстиции и председатель кассационного трибунала при ВЦИК, с мая 1918 г. член коллегии Наркомата юстиции и заведующий VIII отделом НКЮ, в 1919–1924 гг. являлся редактором журнала «Революция и церковь». На II съезде РСДРП в 1903 г. Л. Мартов адресовал Красикову характерную реплику: «Ваш атеистический авантюризм мне претит». Ближайшими сотрудниками Красикова были М. В. Галкин и И. А. Шпицберг (см. примеч. 67, 68).

⁵¹ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 30–32.

⁵² РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 247, л. 90–90 об.

⁵³ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 38–38 об.

⁵⁴ Там же, л. 39.

⁵⁵ Рукописные материалы А. Ф. Филиппова (Там же, л. 40–41 об.).

⁵⁶ Там же, л. 42–42 об.

⁵⁷ Там же, л. 50.

⁵⁸ Там же, л. 29.

⁵⁹ Там же, л. 72–75 об.

⁶⁰ Там же, л. 47.

⁶¹ Одновременно Филиппов обратился в управление делами учетно-распределительного отдела Московского потребительского общества (МПО) с просьбой «распорядиться экстренным опросом всех складов МПО относительно количества наличного товара, находящего на складах МПО в Москве и составляющего предмет церковного инвентаря, как-то: 1) парчи, 2) фая черного и цветного, 3) фая-тафта и глясе, 4) сатина мервелье, 5) бархата, 6) вельвета цветного, 7) галуна и позумента, необходимых для отделки риз и церковного облачения... Советская власть до сих пор не выработала практически отвечающих ее программе и духу времени норм как для сношений с духовенством, так и для снабжения всех культов необходимым... Я надеюсь встретить полное сочувствие в деле снабжения через “Комитет по делам духовенства” планомерно и уравнительно необходимыми для богослужения предметами прихожан (а не духовенства) всех исповеданий и всея России» (Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России), д. Р–27993, л. 68–68 об.).

⁶² ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 62–64 об.

⁶³ Там же, л. 72–75 об.

⁶⁴ Там же, л. 72.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, л. 65, 76–76 об., 78.

⁶⁷ Михаил Владимирович Галкин (М. Горев) (1885–1930 гг.), бывший священник, в 1917–1918 гг. заведовал церковным отделом газеты «Новая жизнь» (Петроград), в 1917–1918 (?) гг. редактор-издатель газеты «Свободная Церковь» (Петроград, Москва). В первые дни после Октябрьской революции 1917 г. М. В. Галкин предложил новым властям свои услуги «в области отделения Церкви от государства»

и в ряде других областей с приложением статьи для газеты». Работая в комиссии по разработке декрета об отделении Церкви от государства, Галкин на свои средства начал издавать газету «Знамя Христа». На короткое время газета стала рупором той части духовенства, которая приветствовала отделение Церкви от государства. В мае—июне 1918 г. Галкин снял сан и в январе 1919 г. вступил в РКП(б). С 1 июня 1918 г. эксперт, затем заместитель заведующего VIII (V) отделом НКЮ, с 1919 г. соредактор (по другим сведениям, заведующий редакцией) журнала «Революция и церковь».

⁶⁸ Иван Анатольевич Шпицберг (1880–1933 гг.), с 9 июня 1912 г. присяжный поверенный. После Февральской революции 1917 г. некоторое время по приглашению обер-прокурора Синода В. Н. Львова работал в комиссии, занимавшейся внесением изменений в правила развода. К 13 марта 1917 г. являлся сотрудником «комиссариаата 4 подрайона Литейного района» Петрограда. С января по июнь 1918 г. председатель «брачного отдела Литейной районной управы» совета рабочих и солдатских депутатов (Петроград). В мае—июле 1919 г. вступил в РКП(б), с 17 мая 1919 г. работал в VIII отделе НКЮ сначала в качестве эксперта, затем следователем по важнейшим делам. С 1 декабря 1920 г. по 10 июня 1921 г. юрисконсульт ВЧК и одновременно уполномоченный VII отделения секретного отдела ВЧК.

⁶⁹ Виктор Васильевич Фортунатов (род. 1898 г.), с 1914 г. псаломщик, с 1916 г. диакон в сельской церкви Вятской епархии. В ноябре 1918 г. сложил сан и поступил на службу в ЧК, с 13 мая 1920 г. уполномоченный секретного отдела ВЧК, с 6 ноября 1920 г. уполномоченный, а с 1 по 27 января 1921 г. помощник уполномоченного VII отделения секретного отдела ВЧК.

⁷⁰ Красиков предположил, что тождественность документов «Исполкомдуха» и доклада представителя ВСНХ Долгова, по-видимому, неслучайна, поскольку Долгов является родным братом секретаря «Исполкомдуха».

⁷¹ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 83–84.

⁷² VIII отдел НКЮ в президиум ВЧК М. И. Лацису (9 сентября 1920 г.): «В числе прочих своих заслуг гр[ажданин] Филиппов указывает на деятельность его по раскрытию злоупотреблений ЦОКа. 8 отдел считает нужным удостоверить: все, что было преступного в деятельности ЦОКа, было открыто исключительно трудами сотрудника ВЧК т[оварища] Фортунатова и следственного отдела Наркомюста. И далее. ЦОК начал свои действия летом 1919 г. Копия доклада гр[ажданина] Филиппова о ЦОКе была представлена спустя год после [начала] его деятельности и лишь в связи с предъявлением гр[ажданином] Филипповым своих домогательств [о] допущении его и организованного им учреждения (“Исполкомдуха”) к дальнейшему распределению вина, муки, масла и т. п. через него, гр[ажданина] Филиппова, минуя ЦОК» (Там же, оп. 5, д. 232, л. 39–39 об.; см. также: ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 11–11 об.). В связи с вышесказанным хочется привести цитату из обвинительного заключения по делу Филиппова, составленного 12 февраля 1921 г. уполномоченным президиума ВЧК И. С. Кизильштейном: «След[ователь] Фортунатов ставит в вину гр[ажданину] Филиппову» стремление «взять в свои руки снабжение и распределение предметов культа между религиозными общинами... Надо признать... тенденция взять в руки “Исполкомдуха” дело снабжения и распределения предметов культа между общинами может рассматриваться... как средство усиления влияния “Исполкомдуха” в среде духовенства и, во всяком случае, как “тенденция” не реализовавшаяся [и] не может в данном случае быть основанием репрессии» (ЦА ФСБ России, д. Р–27993, л. 56–57 об.). Подробнее об этом см.: *Крапивин М. Ю.* Архиепископ Варнава (Накропин)... С. 121–135.

⁷³ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 91–93.

⁷⁴ Там же, л. 103–104 об.; РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 247, л. 118–119 об.

⁷⁵ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 234. При этом финотдел Московского совета счел недопустимым дальнейшую выдачу кому бы то ни было предметов культа со складов ЦОК и требовал указаний от Межведомственного совещания и НКЮ по

- вопросу о порядке распределения предметов религиозного культа и о том, как поступать с этим имуществом (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 101–101 об.).
- ⁷⁶ Там же, л. 101–101 об.
- ⁷⁷ Там же, л. 102.
- ⁷⁸ Там же, л. 103–104 об.; РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 247, л. 118–119 об.
- ⁷⁹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 113.
- ⁸⁰ Там же, л. 112–112 об.
- ⁸¹ Филиппов указывал: «Наркомюст (по VIII отделу), истребовав материалы из Совнархоза, приступил к составлению проекта законоположения по означенному вопросу, причем все материалы предположено представить Совнаркому для обсуждения проекта декрета».
- ⁸² Фраза, взятая в скобки, вписана от руки. В том же деле находится еще один экземпляр докладной записки (л. 123–131), в котором фраза в скобках иная: «Разумею — Комитет нынешнего состава».
- ⁸³ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 134а–142.
- ⁸⁴ Филиппов в письме управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу (не позднее 26 августа 1920 г.) также указывал, что решение Межведомственного совещания «поведет к возбуждению масс, особенно опасному в такие тревожные дни» (Там же, ф. Р-393, оп. 11, д. 44, л. 157).
- ⁸⁵ Там же, ф. А-353, оп. 5, д. 232, л. 36, 37 об., 38.
- ⁸⁶ Там же, оп. 2, д. 708, л. 117–117 об.
- ⁸⁷ Запросом от 11 сентября 1920 г. за подписью председателя ВСНХ предлагалось в 5-дневный срок предоставить следующие сведения: «1) Отпускались ли на церковные нужды... и т. п. предметы. 2) Кому отпускались вышеозначенные предметы, какой порядок отпуска имел место, изданы ли какие-либо инструкции на этот предмет» (Там же, л. 152).
- ⁸⁸ Там же, л. 103–104 об.; РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 247, л. 118–119 об.
- ⁸⁹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 133.
- ⁹⁰ Там же, л. 91–93.
- ⁹¹ Там же, л. 152 об.
- ⁹² Там же, л. 153.
- ⁹³ Там же, л. 149–149 об.
- ⁹⁴ Там же, л. 146.
- ⁹⁵ Там же, л. 170–170 об.
- ⁹⁶ Андрей Васильевич Шестаков (1877–1941 (?) гг.), с 12 февраля 1921 г. заведующий церковным отделением (церковным подотделом) АО НКВД РСФСР. Не позднее 9 июля 1921 г. церковным подотделом стал руководить [П. Ф. (?)] Зайцев, впоследствии занявший пост заведующего АО НКВД РСФСР.
- ⁹⁷ МВД России: люди, структура, деятельность. Т. 2.: НКВД РСФСР: 1917–1923 гг. М., 2008. С. 324, 353.
- ⁹⁸ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 708, л. 172а.
- ⁹⁹ Там же, л. 174.
- ¹⁰⁰ Там же, л. 175.
- ¹⁰¹ «Административное управление НКВД, рассматривая вопрос о снабжении церквей осветительными материалами, пришло к заключению о целесообразности выдачи церквам горного масла, т[ак] к[ак] этим путем будет достигнуто сбережение утраты растительных масел (так в тексте. — М. К.), пригодных для пищи. По данному вопросу достигнуто принципиальное соглашение с... комиссией использования. В данный момент необходимо знать Вашу принципиальную точку зрения по сему предмету, о коей благоволите срочно уведомить, а также и о практических возможностях этой операции, имея в виду желательность получения за горное масло соответствующего товарного фонда» (ГА РФ, ф. Р-393, оп. 27, д. 1388, л. 100). 9 июля 1921 г. управление распределения «Особпродукт» Наркомпрода РСФСР (отдел нефтепродуктов и москательных товаров) просило церковный подотдел НКВД РСФСР «сообщить,

вылилось ли в форму какого-либо постановления и какого именно правительственного органа совещание представителей ведомств по вопросу об отпуске предметов культа, имевшее место при церковном п[од]отделе НКВД 11/II с. г. Запрос вызывается многочисленными требованиями народных свечных заводов на гарное масло» (Там же, л. 141). В тот же день церковный подотдел отдела общих дел НКВД РСФСР дал ответ на этот запрос, разъяснявший, что «гарное масло для нужд культа может быть отпущено только в порядке товарообмена» (Там же, л. 140).

¹⁰² ГА РФ, ф. Р–393, оп. 27, д. 1388, л. 221–221 об.

¹⁰³ 26 августа 1920 г. был утвержден декрет СНК «Об объявлении всех запасов вина, коньячных и водочных изделий госуд[арственной] собственностью» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 117–117 об.). На основе декрета было издано положение «о временном порядке распределения виноградных вин, коньячных и водочных изделий для нужд медико-лечебных, религиозного культа и пр[оч.], действовавшее с 1 января 1921 г. (Там же, ф. Р–393, оп. 27, д. 1388, л. 151).

¹⁰⁴ ГА РФ, ф. Р–393, оп. 27, д. 1388, л. 217.

¹⁰⁵ Там же, л. 150. 9 августа 1921 г. было принято постановление СНК о свободной продаже виноградного вина крепостью 14 градусов, которое религиозные организации получили право, таким образом, приобретать на частном рынке. Между тем властные инстанции рассматривали (сентябрь 1921 г.) возможность реализации для целей культа из государственных складов «виноградного вина специального качества» «на коммерческих основаниях с ограничением нормы» (Там же, л. 151–152).

¹⁰⁶ В мае 1921 г., в ходе X конференции РКП(б), один из делегатов, ссылаясь на пожелания крестьян, поднял вопрос о разрешении свободной продажи икон, на что получил резкую отповедь В. И. Ленина. В сентябре 1921 г. на Политбюро рассматривался вопрос о свободной продаже книг в Москве, при этом по предложению Ленина в проекте постановления было зафиксировано требование запретить реализацию хранившихся на московских складах религиозных книг и книг порнографического содержания. Ленин рекомендовал подобную литературу передавать Главбуму для последующей переработки (*Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 44. С. 119; *Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин*. М., 1996. С. 160).

¹⁰⁷ ГА РФ, ф. Р–393, оп. 27, д. 1388, л. 268.

¹⁰⁸ «Во время объезда провинциальных городов командированными VIII отделом лицами последними замечено, что как в крупных центрах (Москва и Петроград), так равно и во всех губернских и уездных городах, несмотря на сокращение потребления электрической энергии на улицах и площадях, в общественных местах и в частных квартирах граждан, храмами и молитвенными домами всех религиозных культов во время богослужений по-прежнему устраиваются в целях предания богослужению известной пышности... иллюминации из электрических огней... На крышах некоторых храмов и на иконостасах горят электрические кресты, в храмах зажигаются все существующие в них паникадила с 200–500 лампами, по иконостасу из горящих электрических ламп тянутся ленты, или бордюры. VIII отдел признает полную ненормальность указанного выше явления и его дальнейшую недопустимость в пределах Республики. Отдел полагает, что для борьбы с этим возмутительным явлением во всероссийском масштабе необходимо издание постановления Высшего Совета Народного Хозяйства, воспрепятствующего потреблению храмами энергии в иллюминационных целях и ограничивающих это потребление целями действительной необходимости в освещении, сообразно площади предназначенной [для] религиозных обрядов здания» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 691, л. 253–253 об.).

¹⁰⁹ ГА РФ, ф. Р–393, оп. 27, д. 1388, л. 162.

¹¹⁰ Там же, л. 163.

¹¹¹ Там же, л. 101.

¹¹² Там же, л. 124, 129; ф. А–353, оп. 2, д. 708, л. 178.

¹¹³ ЦГА МО, ф. 66, оп. 1, д. 191, л. 37–37 об. См. также: Там же, ф. 4776, оп. 1, д. 223, л. 1–1 об.